

Секция № 32
«Философско-
методологические аспекты
взаимосвязи науки и
производства:
образовательные стратегии»

Содержание

Мишучков А.А., Литвинова В.И. ИННОВАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА НАУЧНОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	2824
Краснова Е.В. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ К. ЯСПЕРСА.....	2832
Писарчик Т.П., Писарчик Л.Ю. НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО. ЦЕННОСТИ. ОБРАЗОВАНИЕ.....	2836
Миженская Э. Ф., Демченко Л.М. О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ, СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖУЩИХ СИЛ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	2847
Недорезов В.Г. ОБЩЕСТВО, ОСНОВАННОЕ НА ЗНАНИИ.....	2853
Демченко Л.М., Гончаров Н.В. ПРОБЛЕМА «РЕАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ ТРУДА КАПИТАЛУ» КАК СПОСОБА ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В «КАПИТАЛЕ» К.МАРКСА.....	2856
Зотов А.Ф. СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	2864
Смирнова Н.М. ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ И «ПРИКЛАДНОЕ» ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	2871

ИННОВАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА НАУЧНОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мишучков А.А., Литвинова В.И.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Университетское образование ставит одной из своих целей формирование целостного мировоззрения и креативного мышления личности как важнейшего фактора современного культурно-экономического развития. «В современной ситуации, в преддверии шестого технологического уклада»[1, с. 47], когда искусственный интеллект, нано- и биотехнологии займут лидирующие позиции в экономической жизни, когда «умные вещи» будут подавлять человека своей информативностью, формирование целостной креативности как чисто человеческой способности, духовной идентичности как человеческой сущности становится все более актуальной задачей в образовании. Человек поставлен в условия выживания современным техническим прогрессом, задача выживания – сохранить присущие человеку креативно-духовные качества, свое превосходство над безличной информацией и компьютеризированным миром.

Разрешить данную проблему в рамках узкосциентистского подхода невозможно, наработанные научные методологии лишь частным образом решают проблему, само же ее решение находит свое выражение на философском уровне.

Итак, философская проблема информационной целостности личности. С аналитической точки зрения, целостность рассматривается как качество множественности, как результат развития, взаимодействия и расположения частей. С точки зрения, холизма, целостность не сводима к сумме частей, качество не вытекает из количества. С позиции функционализма, «целостность как особое свойство системных объектов» выступает здесь в дифференцированной форме, т.е. присуща как системе в целом, так и ее частям (подсистемам). Иными словами, свойство целостности в данном случае не может быть отнесено ни к классу собственно структурных (т.е. присущих частям, но не присущих системе в целом), ни к классу собственно функциональных (т.е. присущих системе в целом, но не присущих частям) свойств [7, с. 87].

Таким образом, научные подходы показывают нам характер и динамику явления, но сущность остается до конца не выявленной. Как свойство сознания информационная целостность немислима вне человека, его существование целевым образом формирует сущность рассматриваемого явления. Позиция философского персонализма преодолевает в данном случае крайности методологических подходов и сам принцип механистического релятивизма, уподобления человека информационной машине (Т.Гоббс, «Левиафан»). Позиция информационно-механистического подхода проста, состоит из следующих суждений. «Мышление тождественно информационному процессу

или является его частным случаем; нейрофизиологические процессы головного мозга человека аналогичны или тождественны процессам, происходящим в формальных нейронных сетях и их технических воплощениях; все стороны мыслительной деятельности могут быть представлены как совокупность «элементарных информационных процессов» и правил оперирования ими и выражены на языке информационно-логических программ [11, с. 117]. В европейской философско-методологической традиции такой подход отстаивают А. Ньюэлл, Г. Саймон, У. Рейтман, Дж. Слейг, который лежит в основе теории творческой деятельности, общей теории решения задач. Полюсом информационного оцельнения личности таким образом служит сама личность, а не информационно-коммуникативные системы искусственного интеллекта. Специфическим характером информационной цельности личности служит ценностная символичность [5, с. 56].

Принципы инновационного мышления - информационной эвристичности и плюралистичности, дополняют принципы традиционного ценностного сознания личности – религиозной и моральной идентичности. Концепция формирования информационной культуры личности соответствует всем четырем провозглашенным ЮНЕСКО базовым принципам общества знаний [17, с. 11-24]: всеобщий доступ к информации, равный доступ к качественному образованию, свобода выражения мнений, уважение культурного многообразия (толерантности). Последний имеет два смысла: культурно-этнический принцип «все разные, все уникальные», информационно-культурный принцип целостности традиционной книжной и новой компьютерной среды.

Еще один важный принцип информационной целостности – это синергетический принцип коэволюции человека и окружающего его социально-природного пространства. «Коэволюция - не просто процесс подгонки частей друг к другу при образовании сложного целого, их резонансного взаимного расположения и синхронизации их темпов развития, но и инактивированное познание человеком мира, топологически и темпорально правильное встраивание и вдействие его в среду, искусство мягкого, нелинейного и резонансного управления. А также это - интерактивная связь между человеческими организациями и отдельными индивидами, всеобщее сотрудничество, соучастие и солидарность, совместные усилия в конструировании и перестройке мира, а тем самым, и своей собственной психики» [3, с. 13].

По сути коэволюция представляет из себя систему безопасного сосуществования человека, общества, природы на основе соблюдения биосферных законов и общечеловеческих норм морали, которые создают все условия для наиболее полного раскрытия творческого потенциала и внутренней свободы личности. Обратимся теперь к определению инновационного мышления. Оно представляет собой систему идей, образов, установок, взглядов, посредством которых личность вырабатывает новое знание в сфере собственной экономической практики. Как пишет С.А. Дятлов, «целостность экономического сознания, взятая в контексте его креативности наиболее

эффективным образом ориентирует человека на выработку способностей к гармонизированию духовного и хозяйственного его бытия, к поиску таких способов самодеятельности и саморазвития, которые позволили бы формировать полноценную и целостную личность. Именно поэтому в сознании хозяйствующего субъекта постоянно встает и требует своего решения дихотомия между рационализмом и гедонизмом с одной стороны и духовностью и гуманизмом с другой. Креативность сознания в целом, а экономического в частности позволяет личности выстраивать такую иерархию ценностей, такое соотношение приоритетов, которые оптимизируют его бытие и не позволяют фетишизировать ни одну из сторон ее жизнедеятельности» [2, с. 77].

По мысли С.А.Дятлова, инновационное мышление опирается на ценностный выбор и обусловлен идеологически. Тем самым, гуманистическая парадигма дополняет в философском плане информационную парадигму социально-экономического развития и информационной методологии анализа. А определение информации обретает креативно-личностное наполнение: «информация – это атрибутивная характеристика осуществляющегося, актуализирующегося через системные взаимодействия и отношения сознания, присущего свободной творческой личности человека (активному управляющему субъекту)» [2, с. 85].

В рамках информационной парадигмы в мире активно формируется глобальная сетевая информационная экономика, которая получила название Networks Economy. Гуманистическая идеология идеологически обосновывает концепцию социальной экономики, «думающей экономики», ставящей целью приоритетное встраивание креативной личности в информационный универсум. Как подчеркивает основоположник этой теории Т. Сакайя: «...мы вступаем в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями» [8, с. 337-381].

Возникает дилемма между двумя подходами: личность – безличное, ценность- информация. Что образует источник целостности социально-экономической жизни, целостность самого человека. Технологическое изменение в инфосфере задает как бы приоритет инновационного мышления над ценностно-традиционным. «Понимание сущности информационной революции в сфере индустриальной экономики должно сводиться к осознанию того, что информационные технологии изменяют не виды деятельности, а их технологическую способность использовать в качестве прямой производительной силы то, что отличает человека от других биологических созданий – способность обрабатывать и понимать символы, генерируя новое знание» [13, с. 25].

Но именно творчество ценностей выводит человека из сферы чисто производительной в сферу формирования духовной идентичности и является сущностью инновационного мышления. «То есть сам труд со стороны использования, функционирования творческих способностей становится сферой непосредственного удовлетворения духовных потребностей,

потребностей в творчестве. В этих условиях свободное время становится, с одной стороны, пространством для развертывания всех творческих дарований человека, разнообразных форм его творческой деятельности: занятия науками, искусством, спортом, общественными делами, а с другой стороны, необходимым и обязательным условием формирования его творческой личности. При этом «свободное и рабочее время становятся, фактически, неразделимы». [12, с. 37].

Замена труда знанием, соединенного с ценностью знаменует превращение общественного производства из материального в инновационное. Инновационное производство – это производство, в основе которого лежит ценностное использование новых знаний, воплощенных в технологии, ноу-хау, новых комбинациях производственных факторов, структуре организации и управления производством, и позволяющих получать интеллектуальную ренту и различного рода преимущества перед конкурентами. Из данного определения следует, что инновационное производство - это не «вид», не «новая сфера производства», а характер производственной деятельности, при котором центральная роль в производственном процессе смещается с механического использования информации к интеллектуальному, творческому.

Следующий принцип инновационно-методологической культуры, раскрывающий содержание информационной целостности креативной личности является трансдисциплинарность. Если междисциплинарность является принципом неклассического типа научной рациональности (Лобачевский Н.И., Эйнштейн А.), то трансдисциплинарность выражает особенность постнеклассического типа рациональности в науке. Пример, современные нанотехнологии. «Трансдисциплинарность нанотехнологии проявляет себя уже на уровне понимания и объекта исследования, определенного лишь приблизительно как область явлений, расположенных между микромиром и макромиром, и интегральных методов исследования, специфических метаэкспериментальных средств (оборудования), привлекаемых из различных областей науки» [15, с. 80]. Причем раскрывая смысл этого принципа ученый отмечает: «В акте современной философской и методологической рефлексии раскрываются проблемы выживаемости человека и человечества, его экологического равновесия, сохранения целостности человеческой личности, формирования коммуникативного единства человечества, механизмов обеспечения личностной и национальной самоидентификации» [15, с. 134]. Ключевой составляющей инновационной деятельности является инновационное мышление, как специфическая совокупность интеллектуальных процессов, обслуживающих этот вид деятельности. Непосредственный предмет инновационного мышления составляют процессы, направленные на создание новых фрагментов экономической реальности, их преобразование, или, наоборот, поддержание стабильного состояния существующей реальности. Для формирования информационной целостности инновационного мышления огромную роль играет инновационная компетентность личности. В основе ее лежит тоже

принцип трансдисциплинарности, совмещения в инновационной структуре личности гуманитарной и естественнонаучной рефлексии и коммуникации. «Инновационная компетентность» выражает, таким образом особое качественное состояние субъекта инновационной деятельности. «Инновационная компетентность современного специалиста проявляет себя в умении работать в пространстве взаимодействия естественных, технических и социальных наук, во владении методами научных исследований в прикладной области, в способности переводить теорию на язык технико-проектно-конструкторской деятельности и обобщать последнюю на уровне практико-ориентированного знания в аспекте решаемой проблемы. Доведение теоретической разработки (концепции, модели, проекта и др.) до технико-технологического воплощения предполагает у специалиста способность осуществить анализ формируемого объекта как обладающего собственными технико-технологическими параметрами, как объекта, включенного в естественную среду функционирования, как социально размерного объекта, опосредующего отношения людей, то есть включенного в гуманитарную коммуникацию» [14, с. 204]. Философско-методологическая культура субъекта инновационной деятельности заключается в умении перевести продуктивную деятельность на метаязык теоретической инноватики, а теоретическую инноватику — на язык практического использования в экономической сфере, характеризует его как носителя инновационной компетентности в особом статусе «наука–практика». Такую двусмысленность инновационной деятельности в рамках естественнонаучной и гуманитарной коммуникации подметил выдающийся физик современности Стивен Хокинг, «специалисту не хватает одного из двух: либо видения своей проблемы через призму фундаментальных законов природы, либо видения смысла этих законов для принятия каждодневных решений в ситуации нравственного выбора» [9, с. 121]. Соединить эти непримиримые полярности научного познания можно только посредством формирования инновационной культуры мышления ученого.

Таким образом, рассмотрев специфику информационной целостности инновационного мышления можно сделать вывод, что она реализуется в полной своей мере в во взаимосвязи научной теоретической и производственной практической сфер деятельности человека. Причем связи науки с производством осуществляется в двух формах – инновации и традиции, дополняющих друг друга. Философско-экономической категорией, объединяющей науку и производство является категория производительные силы. Научный труд как производительный труд без кооперации с трудом сферы производства не может реализовать свою производительную функцию - свое назначение служить непосредственной производительной силой. Теоретическим обоснованием связи науки и производства занимается философия. Поэтому освоение философскими методологиями является важнейшей компонентой инновационной культуры специалиста.

Инфошок современного человека связан с фактом такого количества поступающей информации, которую понять и применить он физически не может. Такое противоречие понимания и знания подметил еще в диалоге Платона Сократ, когда говорит Федру: «Глуп и тот, кто надеется запечатлеть в письменах своё знание, и тот, кто потом вознамерится извлечь его оттуда нетронутым и годным к употреблению». Как пишет Ю.В. Левицкий, «существование человечества ставится в зависимость от его способностей к пониманию, умения переходить от одного способа познания к другому. Это вынуждает значительно усиливать философско-методологическую ориентацию всего образовательного процесса. Становится очевидной и необходимость роста эвристической компоненты в образовании и воспитании» [4, с. 38]. Поэтому важным становится философско-инновационное обучение по методу майевтики: проблемная ситуация — проблема (ядро творческого обучения) — инновационное решение. Философия — это прежде всего наука понимания, она заставляет человека мыслить. Понимание же начинается тогда, когда студент более или менее отдает себе отчет в том, что же ему собственно, непонятно. В обыденной жизни не видно этих трудностей. Философия показывает, в какие перипетии попадают обыденные представления, когда они вторгаются в области теоретического мышления. Очень полезно приступающим к изучению философии показать эти «приключения» здравого смысла. Первой серией своих вопросов Сократ и старается сбить человека со здравого смысла, показать ограниченность его понимания. Сократ включает своих учеников в проблемную ситуацию, назначение которой — вырвать человека из мира банальностей и поднять его до уровня философской рефлексии. С помощью дальнейших индуктивных обобщений проблемная ситуация повторяется несколько раз. Сократ вовлекает новые предметы в круг рассмотрения с помощью метафоры — как источника оригинальных обобщений. С его помощью он заставляет собеседника двигаться по сущностной шкале путем перехода ко все более общим понятиям. В результате и происходит философское осмысление проблемы и понимание его инновационного решения.

Таким образом, можно сделать вывод по теме статьи. Спецификой информационной целостности инновационного мышления являются следующие принципы: гуманистичности, персонализма, эквивокативности, эвристичности, рефлексивности, философского рационализма, ценностного традиционализма, духовной индентичности, принцип психической диалогичности двух полушарий мозга, синергетический принцип коэволюции, трансдисциплинарности, инновационной компетентности, майевтики, поликоммуникативности. Поэтому, если ставить задачу университетского образования формирования вышеперечисленных принципов в структуре инновационно-методологической культуры личности, то наряду с базовыми философскими дисциплинами (история философии, систематическая философия), обязательным элементом могут быть дисциплины (философия

науки, философско-научная методология инноватики и нанотехнологий, этика и эстетика информационного общества).

Список литературы

1. **Глазьев С.** Выбор будущего./ С. М. Глазьев,- М.: Алгоритм, 2005 г. 479 с.
2. **Дятлов С.А.** Принципы информационного общества./ С.А. Дятлов - М.: Информационное общество, вып. 2, 2000 г. 277 с.
3. **Князева Е.Н., Курдюмов С.П.** Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса./ Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, - М.: Институт философии РАН, 2005 г. 312 с.
4. **Левицкий Ю.В.** Интеграция образования, науки и производства в информационном обществе./ Ю.В. Левицкий, - Новосибирск: Наука, 2002 г. 164 с.
5. **Лосев А.Ф.** Знак. Символ. Миф./ А.Ф. Лосев, - М.: Издательство Московского университета, 1982 г. 589 с.
6. **Налимов В.В.** Вероятностная модель языка./ В.В. Налимов, Изд. 2, доп. и перераб. - М.: 1979. 367 с.
7. **Садовский В.Н.** Основания общей теории систем./ В. Н. Садовский - М.: 1974 г. 587. с.
8. **Сакайя Т.** Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего// Новая индустриальная волна на Западе: Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцев.- М.: Academia, 1999 г. 467 с.
9. **Хокинг Стивен.** Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр./ Хокинг Стивен – М.: Амфора 2007 г. 490 с.
10. **Шрейдер Ю.А.** Равенство. Сходство. Порядок./ Ю. А. Шрейдер - М.: Наука. – 1971 г. 281 с.
11. **Штанько В.И.** Концепция целостности в проблеме мышления и сознания./ В.И. Штанько - М.: 2003 г. 317 с.
12. **Иноземцев В.Л.** Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения. // Вопросы философии - М.: Наука, 1991 г. № 11 191 с. — ISSN 0042—8744
13. **Михнева К.** Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал.// Журнал Инновации – М.: ОАО «Трансфер» № 1, 2003 г. 174 с.
14. **Лукашевич В.К.** Материалы международной научно-практической конференции «Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом» / Под ред. И.В. Войтова. — Минск: ГУ «БелИСА», 2008 г. 215 с.
15. **Яскевич Я.С.** Философско-методологические инновации в подготовке научных кадров. Материалы международной научно-практической конференции «Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом» / Под ред. И.В. Войтова. — Минск: ГУ «БелИСА», 2008 г. 301 с.

16. Интеллект человека и программы ЭВМ.- М.: 1979 г. 125 с.

17. Декларация принципов. // Всемирный Саммит по информационному обществу: информационное издание / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – СПб., 2004 г. 129 с.

18. Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основания и смысл./ В.И.Слободчиков - http://www.researcher.ru/methodics/nauka/a_1xizkd.html

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ К. ЯСПЕРСА

Краснова Е. В.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В философском наследии немецкого мыслителя Карла Ясперса, одного из крупнейших представителей экзистенциализма, можно выделить несколько направлений. Центральное место, безусловно, занимает философия истории и проблема человека. Но К. Ясперс принадлежит к тем немногим философам, которые стремятся теснейшим образом связать свою философию с самыми актуальными и конкретными жизненными проблемами. XX век высветил много такого рода проблем, среди которых важной представляется проблема приоритета среди общечеловеческих ценностей науки как первоосновы развития человека, общества и всего человеческого.

В процессе жизнедеятельности человека научная деятельность играет важную роль. Наука создает много значительного и полезного. Современная наука по своему богатству, объему и многообразию является прогрессирующей, особенно в сфере естественных наук. Несмотря на то, что исследователи разобщены географическими условиями, тем не менее они связаны рациональным взаимопониманием. «Один бросает, как мяч, другому полученные данные. Этот процесс обретает отклик в массе благодаря доступности результатов» [2, с. 370]. Современная наука, согласно К. Ясперсу, по своему духу становится общедоступной и универсальной: она включает в себя не только математические теории, открывает тайны анатомии человека, но и изучает культуру цивилизаций прошлого и т.п. - нет практически такой отрасли, куда бы не проникло научное знание.

Исследования в области гуманитарных наук достигли «микроскопической точности» благодаря доступности материала; необычайный интерес естественных наук распространился на те предметы, которые раньше презрительно ими игнорировались. Универсализируя, абсолютизируя гуманитарные и естественные науки, человечество возложило на них надежду на решение всех проблем, что, по мнению К. Ясперса, порождает сомнения по отношению к науке. Причин тому множество. Естественные науки лишены целостности созерцания, они скорее способны давать некие практически полезные рецепты, чем окончательно достигнутую истину. Расширение объема исторических исследований гуманитарных наук привело лишь к внешним открытиям, но не затронуло субстанциональной сущности исследуемых вопросов. По своей сути гуманитарные науки стали менее содержательными.

В попытке рассеять «великое заблуждение» человека в универсальности естественных и гуманитарных наук К. Ясперс обращается к вопросу о распаде науки и даже заговаривает о кризисе современной науки. «Кризис науки состоит не в границах их умения, а в сознании их смысла. С распадом целого перед неизмеримостью известного встал вопрос, стоит ли оно знания. Там, где

знание, лишенное целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по своей технической пригодности. Оно погружается в бездонность того, что, собственно говоря, никого не интересует» [2, с. 370]. Согласно К. Ясперсу наука преувеличила свои возможности, когда решила распространить присущие ей формы и стандарты на все, в том числе на самые потаенные сферы сознания и на исчерпывающее познание самого человека.

Причины кризиса науки философ выводит из анализа современного этапа развития науки. С одной стороны, претензия науки на универсальность, многообразие её методов и все увеличивающийся объем материала, который необходимо усвоить каждому новому поколению, отодвигают начало научных изысканий. Вследствие этого возникает большое количество научных работ, основанных на пустых аналогиях, в таких работах нет «живого мышления». «Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием» [2, с. 371]. Результатом этого является создание бессмысленности.

С другой стороны, научное знание связывается с критерием его технической значимости. Изменения эти неоднозначны: в чем-то положительны, но в значительной мере отрицательны. Во-первых, создаваемые в научном поиске технические средства служат как целям созидания, но и также разрушения. Во-вторых, технические средства упрощают научный поиск, но и требуют высокой квалификации исследователя. Здесь есть позитивное, поскольку такой вид деятельности требует от человека достаточно высокого уровня образования, но и негативное, так как производство теорий стандартизируется, превращаясь зачастую в конвейерное производство. Здесь уже для исследователя «нет радости индивидуального созидания» [3, с. 127], что, в конце концов, парализует научное исследование. Наука под воздействием технического рассудка с его гордой претензией на истинное знание меняет свой характер. Она утрачивает статус духовного творчества человека и превращается «в простую затрату сил при постоянной спешке и напряжении, после чего наступает изнурение. В состоянии усталости человеком руководят лишь инстинкты» [3, с. 128]. Усталый человек требует отдыха или испытывает потребность в развлечении и сенсации. Его жизнь заполняют кино и газеты, телевидение, но все это имеет лишь механический, технический характер, и приводит к тому, что человек ощущает себя втянутым в гигантский механизированный процесс.

В целом К. Ясперс критически относится к связи научного знания с техническим развитием и особую роль в этом печальном процессе философ отводит высшим учебным заведениям. ВУЗы «уничтожают науку как науку. Она должна приспособливаться... к практической цели, в экзамене и связанными с ним правами»; наука «получает поддержку лишь постольку, поскольку она обещает практически осуществимые результаты» [2, с. 372]. В массовом существовании Университетов К. Ясперс усматривает тенденцию уничтожения науки как таковой, которая вынуждена приспособливаться к

требованиям массы свести науку к определенному количеству знаний, которые могут быть усвоены при обучении. «Исконное желание знать, которое единственно предотвратило бы кризис науки, - свойство отдельного человека и осуществляется им на свой страх и риск. Теперь, правда, считается невероятным, если человек посвящает свою жизнь научному исследованию. Но это никогда не было делом толпы» [2, с. 372]. Высшее образование упрощается до школьного, где обучаемый обязательным планом занятий освобождается от свободного научного поиска. А без риска в свободе невозможно существование основ самостоятельного мышления, того, что мы называем научным поиском. «К науке причастен лишь тот, даже если он применяет её как профессию на практике, кто по своей внутренней направленности является исследователем» [2, с. 372]. Философ констатирует факт, университетское образование «скатывается» до простой учености, начитанности, отрекается от исследования, в целом от науки как духовного творчества человека. В образовании человек утрачивает подлинное безусловное желание знать, что выступает следствием искажения самого смысла науки, обусловившим её кризис.

По сути дела это отношение к образованию и кризис науки в целом созданы самим человеком, его безграничной верой в науку. Возросший в массовом сознании авторитет техники, которая возможна только посредством науки, открывает простор безграничной вере в науку. «Поскольку массовый порядок возможен только посредством техники, а техника – только посредством науки, в нашу эпоху царит вера в науку» [2, с. 372]. Наука возможна только посредством методического образования, раскрывающего её смыслы [1, с. 182]. Но современная вера в науку зиждется только на её результатах, не связывая их с методами, посредством которых они были достигнуты. Так вера оборачивается суеверием. «Создается уверенность в мнимой прочности научных достижений. Содержание этого суеверия следующее: утопическая компетентность во всем, умение создавать и технически преодолевать любую трудность» [2, с. 372]. Опасность научного суеверия, согласно мыслителю, состоит в том, что оно оборачивается для человека враждебностью к науке, так как опирается на те силы, которые отрицают науку как таковую. Человек, разочаровавшийся при неудаче в научном поиске обращается к шарлатанству. «Научное суеверие родственно мошенничеству» [2, с. 373]. К. Ясперс не без печали указывает на процветание и сегодня таких лженаук (суеверий) как астрология, теософия спиритизм, ясновидение, которые подменяют подлинную научность, уничтожают человеческие ценности науки.

Одна из профессий, по мнению К. Ясперса, способная раскрыть богатство мира науки как духовного творчества человека – это преподаватель. Он направляет внимание ученика в первую очередь на осознание смыслов науки, на приобщение к науке как духовной деятельности, а не на простое усвоение совокупности научных знаний. «Для того, что бы выносить самостоятельное суждение, нам людям, необходимо научиться критически мыслить и понимать» [3, с. 180-181]. В этой ситуации преподаватель призван помочь ученику

преодолеть монокаузальность мышления, обрести науку как высокую духовность [1, с. 175]. Таким образом, современную задачу К. Ясперс видит в обосновании подлинной науки, которая освобождает человека от суеверия, от лженаук, фанатизма, открывает перед человеком почти безграничные возможности и перспективы во всех областях деятельности. Наука должна методически идти вперед, обретая общезначимость, критически переосмысливать свои действия, систематизировать свои результаты, но при этом никогда не быть законченной, чтобы не заблуждаться «в претензиях на чрезвычайное признание», безграничную уверенность в своих возможностях. Понимаемая таким образом наука становится духовным созиданием, выступающим главным условием существования и развития культуры человечества.

Список литературы:

1 Новикова М.М. Карл Ясперс: духовное созидание как источник культуры. // Немецкая философия конца XIX – первой половины XX века. Екатеринбург: Издательство Ургу, 2002.

2 Ясперс К. Духовная ситуация времени. // Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991.

3 Ясперс К. Истоки истории и её цель. // Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991.

НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО. ЦЕННОСТИ. ОБРАЗОВАНИЕ

Писарчик Т.П., Писарчик Л.Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

1. Наука и производство

Наука является основой экономического и социального прогресса. Однако этой основой является не просто наука, но наука в ее взаимосвязи с техникой и производством. Дж. Бернал писал: «Наука не предмет чистого мышления, а предмет мышления, постоянно вовлекаемого в практику и постоянно подкрепляемого практикой. Вот почему наука не может изучаться в отрыве от техники» [1, с. 30]. Интеграция науки и производства стала привычным явлением, а тезис об интеграции стал общим местом в трудах, посвященных изучению науки. Однако по мере развития общества меняются формы интеграции науки и производства и необходимо постоянно отслеживать эти изменения. Наука еще у К. Маркса получила название *производительной силы* по той причине, что усиление производственных и технических возможностей человечества стало возможно только на основе применения научных разработок в производстве. Согласно Марксу, капитализм обнаруживает практическую пользу науки в производстве и ставит ее себе на службу, то есть эксплуатирует ее.

Интеграция науки и производства рассматривается как объединение прежде независимых явлений в одно целое, дающее новое качественное образование. Некоторая связь науки и производства имела место уже в период формирования современной экспериментальной науки в XVI – XVII вв., но она была эпизодической и носила случайный характер. «Теоретическая наука Нового времени, и прежде всего теоретическое естествознание, сосуществовала с «мирской наукой» - сводами эмпирических правил, рецептов технической деятельности, канонов и образцов ремесленного мастерства» [6, с. 455]. Отсутствие необходимой и регулярной связи между наукой и производством привело к тому, что важные технические изобретения делались не учеными, а людьми производства: прядильную машину изобрел цирюльник Р. Аркрайт, тепловой двигатель – кузнец Т. Ньюкомен, паровоз – шахтер Дж. Стефенсон, паровую машину – лаборант Дж. Уатт [6, с. 456].

Постепенно связь науки и производства укреплялась и развивалась. Эта связь имела двойственный характер. С одной стороны, буржуазное общество нуждалось в естествознании, которое могло способствовать наращиванию материального богатства, становясь активным агентом производства. Данная материально-практическая и техническая ориентация науки была стимулирована первой промышленной революцией XVIII в. в Англии. С этого времени наука приобрела в производстве свой технологический базис – машинное производство. Наука стала выполнять вполне полезную функцию производительной силы. К. Маркс писал: «Если процесс производства становится *применением науки*, то наука, наоборот, становится фактором, так

сказать, функцией процесса производства. Каждое открытие становится основой для нового изобретения или для новых усовершенствованных методов производства. Только капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства, в то время как, наоборот, развитие производства предоставляет средства для теоретического покорения природы. Наука получает призвание быть средством получения богатства, средством обогащения» [4, 23, с. 397]. Наука получила существенное финансирование и экспериментальную базу, так как в ее разработках и достижениях непосредственно были заинтересованы не только инженеры, но прежде всего владельцы производств, стремящиеся к увеличению прибыли.

С другой стороны, наука уподобилась машинной технике и стала силой, противостоящей работнику. Рабочий был и до этого «живым придатком» техники, машин и от него требовалось только выполнение одной-двух нетворческих операций на производстве. Теперь это еще больше проявилось: с усложнением техники выявляется место человека в процессе производства как винтика, от которого требуется механическое выполнение операций. Механизм, станок сделан предельно рационально, он должен быстро и точно (без сбоев) производить необходимые операции, движения и выдавать продукцию. От рабочего, как придатка станка, требуется ровным счетом то же самое: быстро, точно, ритмично и бездумно производить одни и те же операции – крутить, резать, сшивать, складывать, взвешивать, упаковывать и т.д. Такая наука «...выступает как чуждая, враждебная по отношению к труду и господствующая над ним сила...» [4, 47, с. 555]. Особенно явно и красноречиво это проявилось в «потогонной системе», сложившейся в США в начале XX века. «Техническая ориентация науки привела к поистине революционным последствиям как для техники, так и для самой науки. Техника становится «определенной силой знания» (Маркс) и все больше зависит от успехов научных исследований» [3, с. 161].

Сегодня связь науки и производства имеет такой характер, что они стали неразрывными явлениями, то есть наука и производство дополняют друг друга и обеспечивают развитие друг друга. Поскольку наука и производство являются структурами достаточно разнородными, постольку их интеграция не приводит к полному слиянию данных явлений, специфика остается, но возникает новая более широкая система, охватывающая и объединяющая эти две подсистемы. Этой новой единой системой является *наукоемкое производство*. Основными этапами складывания этого нового образования, нового единства были следующие [7, с. 470]:

1) возникновение первых научных лабораторий на производстве (промышленных лабораторий) в 70-80-х гг. XIX в. в электротехнической и нефтеперерабатывающей промышленности, после Первой мировой войны этот процесс пошел более активно;

2) образование промышленного сектора исследовательских работ, что связано с осознанием неэффективности экстенсивного развития

производственных мощностей и с переходом к интенсивным технологиям экономического роста, по времени это период между двумя мировыми войнами;

3) после Второй мировой войны начинается третий этап, когда сращивание науки и производства рассматривается не как дело отдельных корпораций или даже отраслей производства, а дело государства, берущего на себя функцию выработки научно-технической политики и управления научно-техническим прогрессом в национальных масштабах.

Во второй половине XIX в. возникает так называемая «большая наука», то есть система научно-технической деятельности, направленная на получение практического результата. Если раньше целью научных исследований было создание научной теории, призванной объяснить некоторой фрагмент реальности, то теперь в качестве необходимого результата научных исследований рассматривается техническое и производственное приложение научных разработок. Ученые в массовом порядке привлекаются в создаваемые научные лаборатории при производстве. Они решают теперь не только чисто научные проблемы, а занимаются и совершенствованием техники, изобретают новые технологии и решают прикладные проблемы, связанные с внедрением научных разработок в производство. Возникает новая цепь «наука – производство», которая включает в себя следующие звенья: 1) фундаментальные исследования, 2) прикладные исследования, 3) опытно-конструкторские разработки, 4) производственные исследования [3, с. 178].

Научная сфера существенно расширяется за счет того, что она получает необходимые для ее развития капиталовложения, что обусловлено конкурентной борьбой промышленников, понимающих, что современное производство не может обойтись без собственной исследовательской базы. Эти капиталовложения за первую половину XX века возросли в 400 раз, количество ученых увеличилось в 40 раз [1]. Необходимо отметить, что науку XX века толкали вперед во многом военные заказы и разработки. Это был весьма милитаризованный век (на смену которому пришел не менее милитаризованный XXI век) и на военные нужды в Европе и США тратились огромные средства, делается это и поныне¹. Советский Союз тоже был втянут в гонку вооружений и вынужден был тратить немалые суммы на модернизацию своих вооружений, чтобы противостоять сначала агрессивным устремлениям гитлеровской Германии, затем военным амбициям военного блока НАТО.

Западную экономику отличает то, что ей присуще умение быстро и эффективно использовать рассекреченные военные разработки в сфере гражданского производства, что позволяет быстро менять модели производимых товаров, совершенствовать услуги и т.д. Эффективность научных исследований связана не только с военными разработками, но и с достаточно большим финансированием. Прикладная наука стремится вести

¹ На 2010 год в США принят военный бюджет в 650 млрд. долларов, что больше всего суммарного бюджета России.

разработки, которые позволят выпускать продукцию, пользующуюся спросом, то есть она изучает рынок и учитывает потребности потребителей. Эта система является гибкой, и она быстро реагирует на изменения на потребительском рынке.

В современных условиях интеграции науки и производства научный труд стал давно похож на производственный процесс, то есть стал коллективным, организованным по индустриальному образцу и в этих условиях требуется эффективное управление большими группами исследователей, работающих над значительными проектами. При этом возросло значение междисциплинарных исследований и большая часть открытий происходит на стыках наук. В рыночных условиях востребованы краткосрочные проекты, способные дать быструю отдачу, через 2-3 года. Они-то и финансируются через систему грантов в первую очередь. Те же проекты, которые дадут отдачу даже не через десятилетия, а через 5-10 лет, встречаются скептически. Фундаментальным разработкам в структуре промышленных исследовательских работ отводится скромное место и выделяется незначительное финансирование. Предпочтение отдается разработкам новой техники и технологий и прикладным исследованиям.

2. Научно-техническая политика современных развитых государств

Первая и Вторая мировые войны показали, что в современном мире побеждают и выживают те, кто обладает большей технической и военной мощью. Политики мыслят прагматично, и у них никогда не было сомнений в том, что развитие науки надо поставить на службу военным и экономическим интересам нации. Университеты, исследовательские центры, лаборатории получали заказы на разработки вооружений, военного оборудования, приборов, материалов и т.д. После Второй мировой войны развернулась острое соперничество на грани военного столкновения двух систем – капиталистической и социалистической – за космос и за обладание ядерным, а затем термоядерным оружием. В ходе этого противостояния мировые державы (США и СССР) стремились быстро внедрять у себя самые новые космические и военные технологии, что открывало перспективу взять верх над противником, опередить его в разработках, достичь политических и военных целей. Наиболее существенные разработки, технологии строго засекречивались. Эта ситуация сначала была чрезвычайной, затем она стала привычной. По этому принципу стала функционировать вся западная наука, ориентированная на получение быстрого результата исследований, опережение соперников, содержание результатов в тайне, для чего принимались соответствующие законы и поправки.

Такую ситуацию можно назвать искусственной интеграцией науки и производства, что отразилось в существовании у нас военно-промышленного комплекса. В ВПК были сконцентрированы большие научные и технические силы, он хорошо финансировался в советское время, благодаря чему стали

возможны такие большие достижения в освоении космоса и создание надежного ядерного щита родины, был создан хороший задел на долгие годы вперед в области научных военных разработок. Вся экономика России до сих пор «едет» на той технической базе, тех ресурсах и разработках, которые были созданы в СССР. Это говорит о большой эффективности военных и космических исследований и разработок тех времен. Но всему рано или поздно приходит конец, видимо, и этим советским разработкам не вечно служить основой нашей безопасности.

Запад строил все эти десятилетия совершенно однозначную научно-техническую политику, направленную на развитие самых сложных и перспективных отраслей науки и производства, наукоемких технологий – электроники, вычислительной техники, исследования космоса и использование его в военных целях, атомной энергетики, химической промышленности и т.д. Развитию научно-технического потенциала, определяющего уровень экономического развития страны и ее конкурентоспособности в мире, придавалось там решающее значение. Поэтому сегодня страны большой семерки – это страны наукоемкого производства, сложнейшей техники и передовых технологий. Место науки (особенно естественных наук и технических) в этом мире беспрецедентно, что составляет главную особенность нынешнего этапа развития интеграции науки и производства. В западных странах и у нас появлялись в послевоенный период различные государственные структуры, вырабатывающие научно-техническую политику и управляющие развитием наукоемким производством. Наука превратилась в развитых странах в важнейшую и мощную отрасль экономики, в которой растет количество работников и качество научных разработок, растет и финансирование. «Сфера науки достигает масштабов, невиданных для прошлых веков и тысячелетий. Достаточно отметить, что 90 процентов всех ученых, когда-либо существовавших в мире, являются нашими современниками, живут и работают сегодня. В научные исследования и разработки вовлечены миллионы людей, расходы на исследовательские работы в промышленно развитых странах составляют порядка 3% от валового национального продукта» [7, с. 479-480].

Однако совсем другую картину можно было наблюдать в нашей стране. После 1991 г. у нас были допущены катастрофические ошибки в научно-технической политике, в стратегии развития экономики и в вопросах обеспечения обороноспособности страны. Во-первых, были заключены такие соглашения с Западом, которые подрывали нашу обороноспособность. От этих соглашений отказались только совсем недавно. Во-вторых, по причине очень скудного финансирования ВПК он почти прекратил свое существование: прекратились разработки новой военной техники, сократилась группировка военных спутников, ушли из ВПК квалифицированные инженеры и рабочие. Перестала поступать новая техника в войска. В-третьих, финансирование науки в целом сократилось почти примерно в 15 раз, что поставило ее на грань выживания. Причиной всего этого была ложная идеология, принятая тогдашним руководством страны (сначала Горбачевым, потом Ельциным)

относительно того, что у России нет недоброжелателей, а только друзья на Западе. Но почему-то «друзья» стали продвигать НАТО к границам России и ставить ракеты в Польше и Прибалтике. Чтобы понять, что же произошло с российской наукой и промышленностью необходимо сказать о роли «реформ» 90-х годов.

Еще одна тяжелая ошибка – это отказ от модернизации экономики страны на протяжении долгого времени. В 90-х годах ни о какой модернизации даже не помышляли. В период 2000 – 2008 гг. руководство России было в этом вопросе тоже пассивно, делая ставку на предпринимателей, которые, по его мнению, должны были проводить модернизацию экономики, однако этого не произошло. Реальная картина была такова, что новые собственники бывших советских предприятий выжимали из них все возможное, затем их банкротили. Не дождавшись никакой модернизации, теперь нынешний президент России объявил о начале процесса модернизации экономики, которой будет заниматься уже государство. Но упущено время и насколько тяжело это отразится на судьбах нашей страны еще не известно.

3. Ценности науки, общественного развития и образование

Система ценностей науки в ходе научно-технического прогресса менялась в разные периоды. С появлением «большой науки» во второй половине XIX в. происходит профессионализация научной деятельности и формируется этос науки. Сохраняется в науке понимание того, что научный разум ведет человечество к новым высотам на пути социального прогресса. По-прежнему весьма ценной признается свобода научного поиска и наука ориентируется на утверждение свободы личности путем выбора информации и видов деятельности. Эти установки европейского научного сообщества закладывались еще в период Великой Французской революции.

Однако новые тенденции конца XIX в. не могли не оказать влияния на ценностные установки ученых. Появилась новая целевая установка ученых – на создание новых материалов, на применение разработок в производстве, на создание новых технологий, что шло вразрез с прежней установкой на создание научной теории. Это было обусловлено тем, что ученые получали финансовую поддержку от корпораций только в том случае, если их разработки находили применение в производстве, технике и т.д. Большие научные силы перекочевали в сферу прикладных разработок и теперь не абстрактная истина интересует их, а вполне практический результат, применимый в производстве. Наука стала коммерциализироваться. Она включилась в рыночную гонку и превратилась в бизнес. Но это имело и положительные последствия: увеличилось финансирование науки, повысился социальный статус науки, связь с производством и решением технических проблем расширили и области научного поиска.

От науки стали требовать ценностно-нейтральных решений, в ней видели только средство решения технических и производственных проблем, а не область политических и моральных решений. Так, М. Вебер требовал от ученых, в том числе и от обществоведов строго объективного и

деполитизированного подхода к научным поискам [2, с. 727-728]. То есть роль науки стала пониматься инструментально, в ней стали видеть только решение практических частных проблем, а к решению мировоззренческих вопросов ее больше подпускать не хотели. Прежде всего, об этом говорили представители логического позитивизма в 20-х годах XX века, которые провели демаркационную линию между суждениями «научно осмысленными» (поддающимися верификации, проверке) и ценностными суждениями, которые они отнесли к разряду «научно неосмысленных», то есть не верифицируемых. В последующие два-три десятилетия в западной науке эта тенденция нарастала.

Роль ученого при этом подходе ограничивалась узкопрофессиональной деятельностью, специальностью, а его мировоззрение рассматривалось как частичное, специализированное. «Большая наука» в силу ее существенной специализации и дифференциации сформировало новое явление – специалиста. Машинная цивилизация породила производственный процесс, разделенный на ряд производственных операций, когда конечный продукт можно увидеть только в конце производственной цепочки. Точно также машинное производство породило «частичного человека» (К. Маркс), рабочего, обреченного бездумно выполнять одну и ту же частичную операцию на конвейере. Производство оказывало большое влияние на науку, наука стала напоминать такое же производство, она приобрела промышленный характер со всеми его достоинствами и недостатками. И ученый-специалист – это такой же «частичный человек», выполняющий свою отдельную научную «операцию», но вся картина научной деятельности и ее результат ему не видны.

Х. Ортега-и-Гассет в свое время анализировал феномен узкой специализации и показал его ущербность, так как ученый в результате сужения поля духовной деятельности неспособен «охватить мир как целое» [5, с. 118], в результате чего он ограничен в творчестве подлинной культуры, и в конечном счете «...специализация в каждом оттесняет общую культуру на задний план» [5, с. 119]. В конце XIX века сложился новый тип ученого, продолжает Ортега-и-Гассет: «Это – человек, который из всего, что необходимо знать, знаком лишь с одной из наук, да и из той знает лишь малую часть, в которой непосредственно работает. Он даже считает достоинством отсутствие интереса ко всему, что лежит за пределами его узкой специальности, и называет «дилетанством» всякий интерес к широкому познанию» [5, с. 119-120]. «Раньше людей можно было разделить на образованных и необразованных, на более или менее образованных и более или менее необразованных. Но «специалиста» нельзя подвести ни под одну из этих категорий. Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его «ученым невеждой», и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту.

И действительно, поведение «специалиста» этим отличается. В политике, в искусстве, в социальной жизни, в остальных науках он держится примитивных взглядов полного невежды, но излагает их и отстаивает их с авторитетом и самоуверенностью, не принимая возражений компетентных специалистов» [5, с. 120]. Специализация, по мнению испанского философа, не способна далее обеспечивать прогресс экспериментальных наук, так как это невозможно в условиях отхода от подлинной энциклопедической науки. Изменить положение, с его точки зрения, могут только новые люди, которые вернут науке синтетический и энциклопедический характер и преодолеют односторонность и ограниченность специализации.

Специализация необходима в условиях постоянно усложняющейся человеческой деятельности и непрерывно нарастающих объемов информации, особенно в наше время. Однако и в современных условиях есть определенная возможность освоить мировоззренческие пласты знания и приобщиться к духовным ценностям. Для этого прежде всего не надо поддаваться фетишизму техники и компьютеризации. Всей суммой знаний овладеть сегодня невозможно, но работать над развитием своей личности может каждый в основном в направлении изучения глубоких пластов знаний, накопленных мировой и отечественной культурой. Тогда у человека есть возможность не стать, по выражению А.И. Солженицына, «образованцем», то есть человеком массовой культуры, стремящимся только к овладению престижной профессией. Стратегия же образования во все времена одна – перевести человека из мира повседневности в мир культуры. Начинает вводить человека в мир культуры школа, а вуз продолжает и углубляет приобщение к миру знаний и ценностей. Но и вуз не является последней инстанцией по приобщению человека к духовной жизни, так как вуз – это только трамплин, который задает человеку направление и ускорение. Сила этого ускорения зависит не только от талантливости ученика, но и от масштаба личности его учителя. Дальше человеку нужна работа над собой всю жизнь, чтобы *стать звеном в цепи развития культуры*. Не каждому эта честь выпадает, но стремление к этому необходимо.

Мы же видим нередко другое: узкий мировоззренческий горизонт, позитивистские методологические установки и преимущественно утилитарные интересы – отличительные особенности многих современных ученых. Но привязывать науку к чисто утилитарным вопросам в XX веке захотели не все ученые, шла борьба за фундаментальную науку, однако сторонникам фундаментальной науки всегда было нелегко, так как их противники использовали неотразимый аргумент – без решения практических вопросов наука в общем-то не нужна, такая наука не получит финансовой поддержки. Этим рыночным механизмом можно задуть любую науку и усмирить любого строптивого ученого. То, что фундаментальная наука по прошествии времени (в перспективе) всегда решает множество практических проблем и направляет прикладные исследования в расчет брать не хотели.

Во второй половине XX века с помощью философов, а также самих ученых была осознана ущербность не только узкой специализации, но и позиции ценностной нейтральности науки. Ведь «большая наука» тоже несет определенные ценности, хотя и заявляет о своей объективности и нейтральности – это утилитарные ценности и сиюминутные рыночные интересы. Из этих рыночных тисков наука всегда стремилась вырваться. Особенно ярко это проявилось в ситуации, когда наука прошлого столетия принесла большие бедствия, создав оружие массового поражения. Еще до применения этого оружия в Японии в 1945 г. целый ряд западных ученых выступил против этой бесчеловечной акции.

Осознав свою ответственность за судьбы мира, ученые планеты больше не оставляли решение главных вопросов человеческой цивилизации только политикам, высказываясь по всем ключевым проблемам современности. Это было показателем того, что современные ученые отчасти вернулись к ценностям «малой науки», к тем установкам XVII – XVIII вв., когда ученый чувствовал свою ответственность за получение истинных знаний, складывающихся в целостную картину мира, за принятие правильного направления развития образования и просвещения населения, да и в целом развития общества. То есть современный этап развития науки характеризуется тем, что ценностные установки «большой науки» были в определенной мере девальвированы и получили корректировку со стороны ценностей «малой науки», которая всегда несла в себе культурно-мировоззренческую функцию (выработка картины мира) и стремление решить основные социальные проблемы на основе разума.

Современное образование должно нести в себе ценностный блок. Но проблема в том, что речь идет, по сути дела, о вестернизации страны. Сегодня часто можно услышать и прочесть о необходимости воспитания подрастающих поколений на «общечеловеческих ценностях», которые сами по себе, безусловно, важны. Но их используют нередко в идеологических целях как инструмент вытеснения основ духовной культуры нашей российской цивилизации. Кроме этого, под «общечеловеческими ценностями» чаще всего преподносятся цивилизационные универсалии Запада, ценности и нормы потребительского «массового общества». По сути дела имеет место информационная, идеологическая и культурная экспансия по отношению к нашей стране. Россия оказалась на перепутье и сегодня вопрос заключается в том, возможно ли избежать вестернизации страны и сохранить уникальную российскую цивилизацию.

Сфера образования может сделать много в деле привития молодому поколению подлинных культурных ценностей. Для этого необходимо, во-первых, повышение престижа социально-гуманитарных наук. Компьютерная эйфория заслонила многим понимание простых вещей: не естественные науки и не программирование формируют человеческие качества, ценности и гражданскую ответственность. Чиновничьей элите, отвечающей за реформы в образовании, необходимо осознать, что компьютер не может формировать

личность, а без личности, без сознательных и патриотичных граждан страна не имеет перспектив нормального развития.

Во-вторых, необходимо менять ситуацию в образовании, повышая престижность профессии учителя школы и преподавателя вуза. Сфера образования деградировала, что обусловлено низкой зарплатой учителей и преподавателей. Здесь проблема, которая касается всей страны, а не только образования. Платить мизерную, нищенскую зарплату людям – это аморальная акция властей, которая повторяется уже почти 20 лет. Это преступление перед трудящимися людьми и особенно перед молодежью. Сегодняшние зарплаты у начинающих учителей и преподавателей равняются 5 тысячам рублей, то есть это прожиточный минимум на одного человека. Нередки случаи, когда люди отказывают себе по этой причине в создании семьи или в заведении детей. Подавляющее число молодых людей, получающих такие зарплаты находятся на содержании у своих родителей, тоже небогатых людей. Молодой врач в больнице еще два-три года назад получал зарплату в 4 тыс. рублей, сейчас – 7 тыс. Продавец сегодня получает – 5-7 тысяч. Многие молодые люди, получив такую зарплату, дают себе слово никогда больше не работать на государство и пускаются во все тяжкие, махинуруют, жульничают ради получения больших доходов. Идет массовое размывание позитивных ценностей общества, особенно молодежи. Это является питательной почвой для коррупции, которая проникает в поры общества именно по причине нежелания людей зарабатывать честными путями, так как государство их в этом вопросе бессовестно обманывает. Если государство не станет платить трудящимся достойную зарплату, то проникновение и расширение коррупции будет продолжаться и такое государство обречено на разъедание и распад, а не на возрождение.

Поэтому властным структурам нужно подумать об уровне жизни людей, преподающих в школе и вузе. Как они одеваются, что едят, на каком транспорте ездят, могут ли себе позволить покупать книги, выписывать газеты, посещать концерты и театр? Преподавателей хотят все больше превратить в службу. Недаром и сферу образования называют сферой услуг. А для этого нужен преподаватель, уставший бороться за выживание, бедный, готовый принять любые условия.

Все это имеет место в то время как чиновники получают зарплаты в десятки раз превышающие доходы обычных граждан. Но особенно возмутительным является двойной закон о пенсиях. Простые труженики, уходя на пенсию со своей скромной зарплатой, получают пенсию в размере 25% зарплаты, а государственный чиновник, располагающий неизмеримо большими доходами и привилегиями, уходит на пенсию в размере 75 % от этой высокой зарплаты. Недаром Международная организация труда назвала ситуацию в России уникальной, так как только у нас бедными являются работающие люди, чего нет в экономически развитых странах мира, там бедные только безработные.

От сферы образования многое зависит в деле воспитания молодежи, хотя это сегодня не хотят видеть, так как формирование ценностных установок

молодежи отдано в руки СМИ, телевидения и Интернета. У многих возникла иллюзия, что эти информационные системы могут справиться с этой задачей, что является заблуждением. Эти системы мировоззренчески и ценностно всеядны и неразборчивы. Сплошь и рядом в них подлинные ценности подменяются псевдоценностями и самые мерзкие вещи выдаются за свободу. Молодые граждане нашей страны теряют подлинные ориентиры. Складывается впечатление, что многих это устраивает. На что же они рассчитывают? О каком возрождении России тогда речь?

Список литературы

1. **Бернал Дж.** *Наука в истории общества.* – М.: Прогресс, 1956.
2. **Вебер М.** *Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения.* – М.: Прогресс, 1990.
3. **Волков Г.Н.** *Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники.* – М.: Политиздат, 1976.
4. **Маркс К., Энгельс Ф.** *Сочинения.* – М.: Политиздат, 1955 - 1974.
5. **Ортега-и-Гассет Х.** *Восстание масс // Вопросы философии.* – 1989. – № 4.
6. *Философия и методология науки / под ред. В.И. Купцова.* – М.: Аспект Пресс, 1996.
7. *Философия науки / под ред. С.А. Лебедева.* – М.: Академический проект, 2005.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ, СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖУЩИХ СИЛ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Миженская Э. Ф., Демченко Л.М.

Институт экономики РАН, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург.

Современное состояние российского общества, множество острейших проблем, возникших и очень часто нерешенных проблем делают необходимым ответ на жгучие вопросы (что делать?) на фундаменте знаний современной науки. Одной из важнейших проблем в этом аспекте является проблема социальных движущих сил производства и общества, его социальной структуры, ибо только на этой основе возможно решение практических задач создания эффективной экономики и производства в России.

Поэтому проблемы классовой структуры движущих сил, российского общества представляются чрезвычайно актуальными. Современные российские обществоведы не столь уж часто обращаются к этой жгучей проблеме, острота которой усилилась во время экономического кризиса.

Особый интерес представляет анализ рабочего класса в России. В связи с этим необходимо дать ответ на такие вопросы, как понятие класса, роль рабочего класса в современном обществе, его динамика, специфика протестного движения и т. д.

Обратимся прежде всего к понятию класса, при анализе классовой структуры общества. На основе марксистского определения классов. Эти группы (классы) характеризуются: 1) различным местом в системе производственных отношений (в особенности их отношениям к средствам производства и местом, занимаемым в системе эксплуатации); различным местом в системе организации производства; 2) различным местом в системе общественного разделения труда; 3) различиями в источниках, формах и размерах получаемого дохода» [2, с. 137].

Соответственно этим признакам в качестве рабочего класса в структуре общественных отношений капитализма выступают работники фабрично – заводского производства. Именно они отличаются примерно одинаковым профессиональным составом; работой по найму у капиталиста; являются членами одинаковой организации труда (кооперация совместного труда); имеют одинаковые источник и форму дохода (заработную плату), а также вследствие – положение в системе производства – отсутствие собственности. В условиях капитализма – оба класса – рабочий и капиталист (работодатель и владелец средств производства) – определяют лицо этого общества.

Чтобы понять специфику рабочего класса России следует обратиться к истории его формирования. Как известно, бурный рост рабочего класса в России есть результат отмены крепостного права и развития капитализма. Происходит процесс раскрестьянивания и полное преобразование не только труда, но и всего образа жизни крестьян, становящихся рабочими. Это

означает следующее. Объективно организация труда в машинном производстве, что характеризует фабрику, такова, что работник не может работать индивидуально; его труд в процессе производства носит коллективный характер; это совместный труд сотен и тысяч рабочих, объединенных непосредственно в одном месте (на фабрике). Это главная характеристика рабочего класса в период постиндустриального производства. Как правило, все остальное: условия жизни, свободное время, уровень доходов и т. п. – все это следствие кооперации совместного труда рабочих в рамках фабричного производства. Итак промышленный переворот, определивший господство машин, привел к формированию такого типа работников (рабочего класса), разительно отличающихся от других социальных слоев общества. Эти отличия следующие: труд на одном месте в течение большей части дневного времени (от 14 до 8 часов); зависимость характера труда от системы машин (поэтому труд в основном монотонный, непривлекательный, нетворческий); минимум свободного времени, что определяет и его функцию – на воспроизводство рабочей силы; низкий уровень доходов и в целом жизненных условий. Процесс капитализации поставил рабочего в целом в такие условия, что не случайно Ф. Энгельс считал жизненные условия крестьянства много привлекательнее, чем рабочего.

Кроме того, необходимо еще раз подчеркнуть, что это труд, определяемый всецело системой машин, а значит, частичный, не универсальный, отчужденный от рабочего и не способствующий его развитию. Однако необходимо видеть и другую сторону совместной трудовой деятельности рабочих в рамках фабрики (завода). Совместность этой деятельности, непосредственное общение рабочих в одном месте стало импульсом для их общения не только в интересах капиталистов, но и в интересах самих рабочих за свои права. Так, не проходит и 40 лет в Англии после возникновения фабрик, как создаются тред – юнионы, союзы рабочих для защиты своих прав. Не случайно в Англии рабочий класс получает весьма лестную характеристику «опасного класса».

Следовательно, рабочие периода индустриализации – это работники физического труда, выполняющие сугубо исполнительские функции.

На другом полюсе – противоположном наемному труду и его субъектам – развивается класс субъектов капитала – буржуазия. Именно этот класс владеет системой машин, подчиняющей себе рабочих, соответственно в производстве он выполняет управленческие функции по саморазвитию капитала и получению прибыли. Выступая как субъект капитала, класс буржуазии господствует и в сфере распределения рабочего свободного времени, доходов, всех жизненных условий. Полярность рабочего класса и буржуазии уже определена тем, что рабочий не имеет ничего, кроме рабочей силы, в то время как капиталист владеет всем остальным: средствами производства, деньгами, богатством, определяет государственную политику.

Это определяет как постоянное их сосуществование вместе, необходимость друг в друге, так и постоянные противоречия между ними, в

форме классовой борьбы. Поэтому в результате индустриализации (XVII-XIX) вв. произошло не просто образование пролетариата, но и на основе кооперации совместного труда, социальной самоорганизации и классовой борьбы формируется гражданское общество и социальные институты, защищающие права трудящихся, и на этой основе движущие силы общества.

Что касается России, то традиции ее социальной жизни не позволили в полной мере изменить ее облик к 1917 г., создать гражданское общество.

К 1917 г. в России еще не был создан многочисленный рабочий класс по типу европейского работника, способный к самодисциплине, самоорганизации, активной социальной работе, систематической борьбе за свои права. Российский рабочий (в основном) всеми своими корнями и пристрастиями принадлежит деревне, соответственно обладая и крестьянским менталитетом. Нужны были столетия (как в Европе) для формирования рабочего европейского типа. Не случайно и в партиях, защищающих интересы рабочего класса, рабочих было меньшинство.

После 1917 года монополия государства на любые формы социальной деятельности, уже созданные в России при царизме (профсоюзы, партии и т. д.) привела либо к трансформации их в абсолютно зависимые от государства органы, либо насильственному прекращению их деятельности. В результате и профсоюзы, и партии, и прочие общественные организации (молодежные, кооперативные и пр.) не только действовали под эгидой государства, но практически перестали быть самостоятельными органами и превратились в государственные структуры.

Поскольку в результате в обществе не было партий (и других общественных организаций), находящихся в оппозиции к государству и подвергающих критике его деятельность, то правящая, она же единственная, партия сливается с государством и соответственно формируется уникальный государственно - партийный тоталитаризм.

Итак, в России едва возникшей, еще не развитой системе парламентаризма в 1917 году был нанесен сокрушительный удар, были уничтожены демократические ростки в российской государственности, была разрушена соответственно многопартийная система. Новое государство опиралось на монополию единственной партии.

Негативные последствия такого развития событий известны. Вместе с тем государство, провозглашая цели социалистического и коммунистического строительства, следовательно, задачи защиты интересов народных масс, вынуждено было сохранять и даже в определенной мере в рамках таких организаций, как партия, профсоюзы развивать отдельные демократические ритуалы, способствовать организации демократических структур. К таким формам можно отнести создание первичных партийных организаций по производственному принципу и советы трудовых коллективов и т. д. Конечно, за 70 лет монополии государственно – партийной бюрократии (особенно за годы террора и репрессий) было сделано многое для того, что выхолостить демократический дух из этих форм, из этих органов, но все же живой голос

народа прорывался, особенно в условиях постсталинского периода советской истории.

Нельзя не согласиться с утверждением Воейкова М. И. о том, что «В России» в советский период господствующее положение занимает бюрократический класс, и после реформ 90-х годов он в целом сохранил свои позиции» [1, с. 113]. И так, именно общее состояние социума в современной России, слабое развитие гражданского общества являются основой социальной пассивности как всего населения, так и рабочего класса, что и отмечает Воейков М. И., подчеркивая слабость протестного движения рабочего класса, отсутствие солидарности и т. д. [1, с. 104-105]. и в целом можно сказать отсутствие движущих сил, способных развивать общество в гуманистической перспективе.

И капитализация экономических процессов, формирование новых субъектов экономики в лице новых собственников, что казалось бы, должно способствовать росту социальной активности рабочего класса и крестьянства (особенно рабочего класса) не привело к росту защиты интересов и прав трудящихся. Трудовое население к этим глубинным социальным преобразованиям оказалось неготово.

Рыночные реформы застали его врасплох, что не могло не сказаться и как на самом проведении реформ так и на их специфике: защите интересов и прав трудящихся. Поэтому не случайно именно в России «шок» вследствие реформ был столь силен и обеспечил массу негативных последствий (понижение уровня жизни, повышение смертности населения и т. д.).

Дальнейший рост протестного движения рабочего класса немыслим без самоорганизации его на новой основе создания свободных профсоюзов и партий рабочих нового типа.

Специфика социальной самоорганизации рабочего класса и рабочего движения в XXI веке во многом связана с новыми тенденциями в производстве и обществе – с постиндустриализмом.

Прежде всего нельзя не отметить глубокие изменения «качества» рабочего класса. Постиндустриальное производство по своим главным характеристикам (производительных сил и технологии) требует трансформации рабочего класса в качестве наемного работника – в виде инженера, ученого, менеджера – т. е. людей, способных к сложному квалифицированному труду. Более того, современное производство XXI века все больше требует новых наемных работников умственного труда, обладающих высокой профессиональной культурой и интеллектуальными способностями. Это означает, что в современном производстве все в большей мере кооперация совместного труда либо замещается кооперацией всеобщего труда, который К. Маркс определял как научный труд, как область научной деятельности, либо происходит интеграция этих двух типов кооперации, т. е. совместного и всеобщего труда. Из этого следует также вывод о том, что современный работник по роду своей деятельности является неотъемлемой частью интеллигенции. И так, с точки зрения качественных характеристик в обществе, с

одной стороны, происходит пролетаризация работников умственного труда (инженеров, ученых, менеджеров), с другой стороны, этот же процесс можно представить как трансформацию рабочего класса в интеллигенцию, в представителей творческого труда.

В самом деле, если раньше интеллигенция была представлена в основном работниками умственных профессий (врачи, юристы, люди искусства), то в современных условиях они становятся наемными работниками в основном у капитала, а также у государства. Работа по найму, свободная продажа рабочей силы предпринимателю – работодателю есть главная черта рабочего класса. Характер современного производства таков, что он все в большей степени требует нового работника в процессе трансформации интеллигенции и рабочего класса, которые выступают в новом качестве.

Кардинально меняются и функции рабочего класса. Развитие акционирования приводит к тому, что рабочий, покупая акции, становится собственником капитала и в определенной мере тем самым осуществляет управленческие функции, создает заинтересованность рабочего в функционировании капитала в целом и снимает таким образом отчужденность рабочего от экономического процесса и его результатов.

Это несомненно, меняет «качество» рабочего класса, его социальное поведение и формирует новые формы классовой борьбы, приводит к социальному партнерству.

Итак, все эти сложные, не однозначные процессы современного производства, с одной стороны, как бы создают условия для развития демократии, однако, с другой стороны, наряду с этим постепенно вытесняются в определенной мере те объективные основания, которые способствовали ее развитию. Так, наряду с кооперацией совместного труда, господствовавшей в системе производства классического капитализма, достойное место в настоящее время стала занимать кооперация всеобщего труда, научной деятельности.

Поэтому объективно новая организация труда работников постиндустриального общества сама по себе не способствует росту протестного движения. Мотивация работников, их ориентация на творчество, на интерес к самой работе непосредственно также редко приводит к развитию таких форм протестного движения, как, например, забастовки. Не случайно, даже тогда, когда в России учителя в 90 – е годы месяцами вообще не получали зарплату, как правило, они не бастовали.

Развитие новых тенденций постиндустриализма в развитых странах не привели к угасанию протестного движения. На это есть много причин. Но главная, на наш взгляд, связана с тем, что многолетняя борьба рабочего класса за свои права и вообще высокая степень развития институтов гражданского общества в этих странах именно как результат борьбы всех социальных слоев за реализацию своих интересов привели к тому, что демократические процедуры, необходимые для защиты своих прав, не только получили развития на каком – то одном историческом этапе, но в целом настолько укоренены, что

их невозможно отменить, как бы этого ни хотелось отдельным политическим деятелям или политическим структурам.

Деятельность самых разнообразных институтов гражданского общества в форме профсоюзов, партий, фондов, органов самоуправления стали основой протестного движения как рабочего класса, так и других социальных групп. К сожалению, в России протестное движение рабочего класса развито слабо. Капитализация в России привела к возникновению конфликтов между трудом и капиталом, что проявилось в частности, в борьбе капитала против свободных профсоюзов. Так, в Таганроге, после создания свободного профсоюза (МПРА), сразу же начались репрессии против его членов. Государство также фактически не стимулирует защиту прав трудящихся.

Это проявилось в несовершенстве трудового законодательства, отсутствии отработанных процедур разрешения коллективных конфликтов. «Законодательство затрудняет возможность для наемных работников законным способом отстаивать свои права в коллективном трудовом споре» [3, с. 12]. В результате почти все стачки в суде были признаны незаконными.

Итак, сложные неоднозначные процессы современного общества с его высочайшим уровнем техники, технологии и роста цивилизации и культуры как бы создают условия для развития демократии, однако наряду с этим постепенно вытесняются в определенной мере те объективные основания, которые способствовали ее возникновению и развитию. Не случайно возрождаются и усиливаются формы этнического и религиозного единства, а лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь» заменяется лозунгом священной войны против неверных».

Такого рода объединения по этническому, или религиозному признаку – это не класс, а скорее клановое объединение, отнюдь не связанное с организацией труда, источниками и размерами дохода и т. д. Однако это не исключает необходимости специального научного исследования вопроса формирования и развития таких объединений.

В заключении отметим, что для России развитие демократии, соответственно рост рабочего движения и упрочения институтов гражданского общества связаны с решением сложнейших задач в развитии экономики, производства, совершенствовании политической системы и общества в целом.

Список литературы

1. **Воейков М. И.** Классы в современной России./ М. И. Воейков // *Альтернативы*, 2008. №4, 211 с.

2. **Колганов А.** Современный социализм. Марксистская версия./ А. Колганов // *Альтернативы*, 2008, №4, 211 с..

3. **Соболев Э.Н.** Социально – трудовые отношения в российской экономике: конфликт интересов или поиск согласия./ Э. Н. Соболев М.: ИЭ РАН, 2007, 197 с.

ОБЩЕСТВО, ОСНОВАННОЕ НА ЗНАНИИ

Недорезов В.Г.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Социально-философские теории постиндустриального, информационного общества явились логическим продолжением концепций индустриального общества, развитых в 60-е годы нашего века философами и социологами Ароном, Дарендорфом и т.д. Но при этом они унаследовали эволюционизм, оптимизм и детерминизм, а также стремление редуцировать комплексную социальную реальность к одному основному элементу.

Изменения в сфере техники и знания, охватившие за два столетия практически весь мир, переводят общество в новое качественное состояние, идут процессы концентрации и глобализации жизнедеятельности, общественного сознания, культуры, пробивается своеобразное понимание переходного характера нынешнего человеческого общества, когда коренным образом меняется не только тип производства, но и весь строй жизни.

В них по - новому осмысливается значение информации и знания, изменение типа социальности, образа жизни, общественных отношений, способов легитимации власти на современном этапе. Белл, Масуда, Несбит, Тоффлер, Розак и т.д. рассматривают глобальные особенности и перспективные тенденции социальной эволюции.

«В информационной экономике хозяйственная деятельность - это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства. Лимитирующий фактор здесь - наличное знание» [2, с. 397].

«Технология предлагает нам намного более значительные информационные и коммуникационные ресурсы, чем когда-либо имело человечество. Эти ресурсы столь велики, что очевидно: мы вступаем в новую эру - информационный век» [1, с. 343].

Информация служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе трансляции. Таким образом, информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека, и его материальное бытие. Информация взаимодействует как с духовным, так и с материальным миром человека.

«Очевидно, что в настоящее время образование претерпевает огромные изменения, прежде всего, в плане специализации, диверсификации и индивидуализации. Грядущие изменения... затронут систему нашего образования... С новой технологией «продолжающееся образование» будет чем-то большим, нежели курсы переподготовки и другие виды так называемого образования для взрослых» [1, с. 346-348].

Лежащий в основе концепции постиндустриального общества принцип оптимизации, позволил выделить образование в качестве механизма

социальной трансформации, как один из способов разрешения объективно существующих противоречий социального развития. Механизм действия эволюционных предпосылок, опирается на двойственность природы данного феномена. Диалектичность природы образования позволяет ему выполнять разнонаправленные функции в обществе - созидания и разрушения. Выдвижение на первый план той или иной функции зависит от степени стабильности культурного организма и способствует развитию общества в целом. Данный аспект рассмотрения проблемы образования позволяет по-новому оценить роль и возможности данного феномена в истории, углубить и расширить его понимание.

В связи с грядущим наступлением “информационного века”, по мнению Тоффлера и Белла, основной задачей становится максимально ускорить и упростить трансляцию информации между людьми и повысить ее “усвояемость”. Именно поэтому она стандартизируется и классифицируется с тем, чтобы как можно сильнее ускорить процесс обработки информационного потока.

Этот процесс, по их мнению, неоднозначно влияет на культуру: с одной стороны, максимально сближаются духовная и материальная стороны жизни человека, ибо в культуре необходимым образом присутствует подвергающийся вышеописанным трансформациям информационный элемент, а с другой стороны, происходит резкое разграничение эмоционального и информационного аспектов культуры.

То, что транслируется в таких формах, не является в полном смысле культурой, а служит исключительно средством передачи и приема какой-либо информации, традиционно относимой к сфере культуры.

Пересказ шедевров литературы, через аннотацию в десять строк, музыкальной культуры в виде списка музыкальных произведений, философии и истории путем перечисления имен философов и государственных деятелей. Все это Тоффлер называет современной «блип-культурой».

В глобальном аспекте это проблема взаимоотношения, информации и человека - должен ли человек приспосабливаться к нарастающему потоку информации и стремительно меняющейся технике или же следует затормозить развитие и поискать иной путь. В принципе, вопросы о бюрократически-информационной системе и тотальном контроле над человеком являются следствием этой проблемы.

Недостатки образования и воспитания во всем мире, препятствуют решению указанных проблем, мешают творческому пониманию науки и техники как составной части гуманистического воспитания человека в эпоху научно-технического прогресса; это относится и к подготовке специалистов, и к общему образованию большинства людей.

Образование - это социальный феномен, активно выполнявший важные задачи существования и развития общественного организма, а также смены культурных парадигм.

Список литературы

- 1. Дайзард У. Наступление информационного века. Новая технократическая волна на Западе. Под ред. Гурвича П.С./ У. Дайзард – М.: Прогресс. – 1986. 476 с.*
- 2. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики. Новая технократическая волна на Западе./ Под ред. П.С. Гурвича – М.: Прогресс. – 1986. 476 с.*

ПРОБЛЕМА «РЕАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ ТРУДА КАПИТАЛУ» КАК СПОСОБА ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В «КАПИТАЛЕ» К.МАРКСА.

**Демченко Л.М., Гончаров Н.В.
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург.**

Мировой финансово – экономический кризис дает мощный стимул для осмысления и переосмысления новых экономических реалий. Часто приходится слышать, что никто ни мог предсказать такой катастрофы. Ответ пришел сам собой. Обращение к «Капиталу» К. Маркса.

В «Капитале», К. Маркс поставил задачу показать, «те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое» в котором, «конкуренция заложена монополией и самым обнадеживающим образом подготавливается будущая его экспроприация всем обществом, всей нацией».

Нападки современных идеологов на марксово учение, осуществляющееся зачастую под лозунгом «десакрализации» марксизма, представляют собой не первую попытку ревизии и очернения этого учения ради «доказательства» вечности капитализма, изображения его как «идеальной модели общественно-экономического устройства и столбовой дороги развития всей мировой цивилизации» [1, с. 226-227] .

Труд в странах «золотого миллиарда» оплачивается в десятки и сотни раз выше, чем во «втором» (нашем) и «третьем» мире. Основная прибыль идет не только от производства товаров, а от перемещения их; а самой доходной становится «виртуальная» экономика финансовых спекуляций. Мировой кризис показал несостоятельность расхожей мысли ангажированных политиков, о том, что, дескать, ни одно предсказание К. Маркса не осуществилось и т. д. Но именно такой подход К. Маркс называл «детским и наивным», как «попытки отрицать наступление в некоторый данный момент всеобщего перепроизводства» [2, с. 388] и такой момент наступил в период, казалось бы, полного расцвета капитализма, по которому пели «осанну» сотни «специалистов – экономистов, философов, политологов, социологов – как из числа получивших «дипломы» в советский период, так и после него.

Раскрывая задачи, которые стоят перед философами в современном мире, И. Кучуради экспрезидент, а ныне Почетный Президент Всемирной федерации философских обществ в своем выступлении на всемирном философском конгрессе в Сеуле в августе 2008г обратила внимание на то, что существующая ныне «концептуальная путаница в головах людей... Позволяет скрывать истинные интересы» [3, с. 81-82], что требует серьезной философской работы. «До последнего времени философы теоретики находились в «футляре». Я именно так понимаю фразу К. Маркса, призывавшего «не отсиживаться в башне из слоновой кости». «Жаль, что в бывших социалистических странах сейчас забывают К. Маркса. Самое интересное определение общества я нашла у

К. Маркса. Нам надо освободиться от предрассудков...» [3, с. 89]. «Я отдельно рассматриваю К. Маркса и марксизм. Сам К. Маркс отрекался от отдельных проявлений так называемого «марксизма и резко его критиковал» [3, с. 90].

Необходимо вполне разделить точку зрения Иоанны Кучуради о том, что действительно следует философам прежде всего научиться различать философию К. Маркса и марксизм, поскольку относительно многих теоретиков, высказывавших мысли о принадлежности к «марксизму», К. Маркс отвечал, что он сам не «марксист».

Если первый период возникновения и формирования капитализма на основе абсолютной прибавочной стоимости, согласно К.Марксу, означал «формальное подчинение труда капиталу», осуществлялся в рамках мануфактурного производства, не изменяя технический базис общества – ремесленные орудия труда, то «реальное подчинение труда капиталу» стало возможным только в рамках относительной прибавочной стоимости, с созданием условий позволяющих осуществлять бесконечный процесс интенсификации труда на основе переворотов в орудиях труда и разработке и внедрении открытий в науке и на её основе всё новых, качественно иных технологий.

Эта возможность становится действительностью, считает К.Маркс, именно как результат разрешения тех противоречий, который возникают в сфере капиталистических экономических отношений на основе бесконечных переворотов в науке и технике, изыскивающих всё новые формы и способы реализации специфического закона капитализма, обоснованного в «Капитале»-закона возрастания присвоения чужого живого труда.

Открытие К.Марксом учения о классовой борьбе как движущей силе развития буржуазного общества, которое с наибольшей остротой проявляется в переходе от абсолютной прибавочной стоимости, базирующейся на удлинении рабочего дня к относительной прибавочной стоимости, - которая основана на переворотах в техническом базисе общества, на интенсификации труда и на этой основе, увеличении присвоения чужого живого труда, на внедрении системы машин - I промышленная революция и автоматизации производства - современные научно-технические, информационные революции и т. д.

Именно противоречия в сфере экономических отношений между капиталом и наемным трудом, выразившееся, с одной стороны, между «жаждой увеличения прибавочного труда, и с другой стороны, - невозможностью бесконечного увеличения рабочего времени, т. к. в сутках 24 часа- на чем зиждилась абсолютная прибавочная стоимость, потребовали и явились главной причиной осуществления революционных изменений в орудиях труда в эпоху I промышленной революции.

Более того, безграничная жажда прибавочного труда в рамках абсолютной прибавочной стоимости наталкивается на сопротивление рабочих. Проведение сточек, забастовок с целью увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня ведет к тому, что капитал в этот период времени не

только не возрастает, но и неминуемо обесценивается, теряет свою конкурентную способность, умирает. Капитал вынужден решить эту проблему: быть ему или не быть.

Он находит единственный путь ее решения – произвести переворот в техническом базисе, доставшемся ему от феодального способа производства, покоящегося на ремесленных орудиях труда и преобразуемого капиталистической мануфактурой, путем создания машинного производства, которое и предстает как процесс реального подчинения труда капиталу.

Внедрение системы машин означало замену ручного труда рабочей машиной, представало начальным этапом «превращения науки в непосредственную производительную силу общества (К. Маркс), производством машин с помощью машин, что явилось определяющей основой дальнейшего движения этой общественной формы на «собственном техническом базисе». Стало быть, противоречия самой общественной формы, реализующиеся в отношениях капитала и наемного труда (класса капиталистов и пролетариев), т.е. в классовых отношениях являются причиной, порождающей не только адекватный капиталу технический базис, но являются самым мощным стимулом движения этого общества к зрелости, к развитой сущности на основе которой создаются предпосылки к возникновению новой сущности предмета.

Переворот в орудиях труда в виде системы машинного производства означал создание технического базиса адекватного капиталу», и следовательно, только с осуществляемой промышленной революцией капитал начинает развиваться на адекватной, а не на чуждой ему технической основе. Создание нового технического базиса парализует классовую борьбу, ведет к увеличению резервной армии труда, т. е. к безработице, которая со своей стороны ведет к снижению накала экономической и политической борьбы со стороны наемного труда.

Введение машинного производства привело к интенсификации труда, что выразилось, с одной стороны, - в уменьшении необходимого рабочего времени, а следовательно, увеличении прибавочного рабочего времени, усилению эксплуатации и присвоения чужого живого труда, а благодаря сокращению рабочего дня, были прекращены, хотя и временно, стачки и забастовки. Сокращение необходимого рабочего времени и увеличение прибавочного рабочего времени благодаря революции в орудиях труда, проведенной капиталом под напором классовой борьбы, привело к интенсификации труда, возникновению фабричной системы производства.

Таким образом, именно противоречия в сфере экономических отношений, т. е. в самой общественной форме, между капиталом и наемным трудом, проявившиеся в безграничном увеличении прибавочной стоимости, - этой самоцели этого общества, способствовали превращению этого основного противоречия, согласно К.Марксу, «в технически осязаемую реальность».

Капиталистически применяемая система машин (фабрика) выступает как автомат, становящийся субъектом производства, а рабочие выступают как объект, который входит в состав этого автомата, как вещь, хотя и «сознательная

вещь». На фабрике мертвый механизм, система машин существует независимо от них, рабочих, и они присоединены к нему как его живые придатки. Именно двойственность труда в процессе капиталистического производства, который выступает не только как процесс труда, но и как процесс увеличения стоимости и присвоения чужого, живого труда (прибавочная стоимость) присуще то обстоятельство, «... что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность» [4, с. 434]. Но последняя приводит к тому, что деятельность рабочего лишается всякого содержания: работает машина, а рабочий приставлен лишь обслуживать ее.

Словом, машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Социально это выражается в обесценении рабочей силы и полнейшей зависимости ее от капитала. Рабочий становится придатком машины, вне фабрики он ни на что не годен, он становится частью частичной машины.

Переход от машинных технологий к постмашинным требует создания и нового наемного работника – не частичного фабричного рабочего, подчиненного как диктату капитала, так и власти фабричной системы, а творческого работника, реализующего значительную степень свободы в своей деятельности и в этой части предстающего независимым от капитала. Эта независимость т.е. свобода, все еще относительна, и потенциально ничем не ограничена, кроме своей собственной целеполагающей деятельности, целесообразности, с одной стороны, но, с другой стороны, она выступает основой конфликта интересов между творческими работниками и капиталом. В основе этого конфликта то же отчуждение труда, которое гнетет любого наемного работника.

Новая форма взаимосвязи науки и производства, полагаемая поздней формой капитализма в XXв, порождает новый тип творческого работника, который радикально отличается от фабрично-заводского пролетариата тем, что в самом процессе своего труда он хотя бы потенциально, а отчасти реально, свободен от диктата капитала. Более того, творческий труд не может быть абсолютно детерминирован самоцелью капитала, т.е. самовозрастающей стоимостью.

Тем не менее в рамках капиталистической общественной формы в условиях научно – технической революции и других подобных революций происходит процесс разложения прежних классов, а «цивилизующая миссия» капитала, постоянно производящая технические перевороты в техническом базисе общества и объективно требующая иного субъекта производства, а именно творческого субъекта, выступает своего рода «исторической миссией», требуя со своей стороны созидания нового типа наемного работника.

В рамках современной автоматизации, когда тенденция науки становиться непосредственной производительной силой общества реализуется не только в вещественных условиях производства, но в личностной сфере,

когда, согласно К.Марксу, человек «выбрасывается из сферы непосредственного производства и становится рядом с ним, как его контролер и регулировщик», как полноправный субъект производства, в то же время «самодержавие капитала», его неудержимая жажда прибавочного труда никогда, по-видимому, добровольно, без борьбы, не позволит этой объективной тенденции быть реализованной. Ее реализация потребовала бы значительную часть произведенного трудом прибавочного продукта направить на саморазвитие человеческой личности, как подлинного творческого субъекта, способного развивать в том числе и технические условия производства как процесс «его самодвижущегося содержания», «... безотносительно к какому то ни было заранее установленному масштабу». В этом и состоит коренное противоречие современного этапа развития науки и производства, открытого и обоснованного К. Марксом в «Капитале».

К.Маркс обосновывает положение о том, что «царство свободы начинается в действительности там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [4, с. 386-387].

Человек становится более свободным и в материальном производстве в «царстве необходимости», поскольку необходимость воспроизведения условий материальной жизни остаётся. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остаётся царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе» [4, с. 387].

Наибольшего расцвета производительные силы получают в развитии научного знания, в технологическом применении науки и во всех подобных процессах творческой деятельности. Наука, окончательно превращающаяся в непосредственную производительную силу, реализуется не только в вещественных условиях производства в автоматических линиях, но и в субъектном его факторе – в бесконечном развитии человеческой личности.

Однако, креативность субъекта производства становится определяющей в развитии науки, а следовательно, свободное время как время для развития свободной творческой деятельности, для развития и раскрытия способностей человека приобретает первостепенное значение. Поэтому именно свободное время (а не прибавочное время как самоцель при господстве капитала) в противоположность рабочему времени, где производство диктуется « нуждой и внешней целесообразностью», становится мерилom подлинного богатства и, следовательно, подлинного, а не «превращённого» бытия.

Этот прогноз будущего общества, теоретически сформулированный К.Марксом, находит своё подтверждение в современных тенденциях развития капиталистического производства, но существенное отличие состоит в том, что в этих рамках эта тенденция как увеличение свободного времени для того «...более полного развития индивида» [2, с. 380], не может стать всеобщим законом развития этого общества.

Более того она вступает в абсолютное противоречие с объективным специфическим законом этого общества, законом прибавочной стоимости, который детерминирует превращение свободного времени в абсолютное прибавочное время и в этом состоит его неиссякаемая жажда присвоения чужого живого труда.

Современный капитал стремится к установлению абсолютного контроля над условиями свободного развития человека, над его свободным временем, над творческой деятельностью и его результатами, над объектами природы и вообще над миром культурных ценностей. Капитал стремится подчинить все эти сферы жизни человека своим собственным интересам – интересам производства прибавочной стоимости, и потому он враждебен всей культуре и человеку как субъекту подлинного творчества и культуры.

Но тем самым капитал ставит предел своему собственному развитию, что является свидетельством приближающегося абсолютного предела капитализма, требующего регулирования, сознательного управления общественными отношениями и процессом производства не только в рамках отдельной страны, но и в рамках мирового сообщества. Современный финансово-экономический кризис с огромной силой и мощью нелицеприятно подтверждает эту тенденцию. Политики, в том числе далёкие от философии К.Маркса, прямо указывают на необходимость этого регулирования в процессе создания «мирового правительства», «национальных валют» и т.д.

Превращение развития человека « по ту сторону материального производства» в самоцель, а свободного времени в мерило богатства личности и общества означает становление сферой свободной человеческой деятельности как сферой творчества, креативности, науки и культуры в целом как предметно-воплощающейся творческой деятельности, занимать главенствующее положение по сравнению со сферой производства, поскольку наука и культура определяют развитие производства, а производство выступает как предметное воплощение, материализованное знание.

Производственные отношения, основанные на капитале, из источника прогресса превращаются в его тормоз, вступают в абсолютное противоречие с определяющей тенденцией развития производительных сил, делающей самоцелью развитие творческих способностей личности, «безотносительно к какому бы то ни было масштабу». Эта тенденция, выраженная в опережающем производстве развитии науки, культуры и принципиально новых технологий, становится абсолютным законом производства.

Таким образом, современная форма взаимосвязи науки и производства, требует создания таких образовательных технологий, которые в качестве

самоцели ставят производство такой личности, законом которой становилось бы выявление её «творческих дарований как подлинного богатства общества».

Развитие суперсовременных технологий не может происходить на своего рода селективном походе, подготовке особого рода специалистов-профессионалов, как считалось ранее, т. к. каждый специалист-профессионал и вместе взятые, ещё не составляют некую целостность, а без целостности никакого прорыва в технологиях и в революционировании всего производства и общества в целом быть не может.

В противном случае всегда будет производиться буржуазная ограниченная форма общества, в котором бесконечно борются два полюса, две тенденции: на одной стороне – стремление к универсальности, к преодолению любой ограниченности, т. к. любую общественную форму производства капитал рассматривает лишь как границу, которую он должен перейти и т. д., а с другой стороны, на первый план выдвигается полагание капиталом собственной ограниченности, своей специфической общественной формой – своей самоцелью – возрастанием стоимости, как безграничной жадой прибавочного труда. Это положение относится к любым начинаниям со стороны капитала: в сфере образования – остаточный принцип, в сфере воспитания, культуры, в сфере всеобщего универсального образования – вложений в науку, развития общественных отношений. Развитие личности даже как «... цель производства кажется возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства». На самом деле универсальная форма богатства скрывает своё подлинное содержание, поскольку, если отбросить ограниченную общественную форму «... чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданных универсальным обменом... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-то бы то ни было, заранее установленному масштабу» [2, с. 476].

Новая форма взаимосвязи науки и производства, соответствующая позднему капитализму, требует иного субъекта, который «производит себя во всей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательным установившемся, а находится в абсолютном движении становления» [2, с. 476]. Задача науки и состоит в том, чтобы обнаружить, что капитал вовсе не представляет собой «абсолютную форму развития производительных сил, как это полагают экономисты, что капитал так же не является абсолютной формой развития производительных сил, как не является он и такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил» [2, с. 393]. Напротив, следует обозначить, что капиталистическая общественная форма».....выступает условием развития производительных сил до тех пор, ...

пока последние нуждается во внешнем прищипывании, которое вместе с тем является и их обузданием» [2, с. 393], что наиболее ярко выражается в современных кризисных состояниях общества и мира в целом.

Капитал содержит в себе всеобщее ограничение, которое с одной стороны, противоречит всеобщей тенденции капитала – переступить всякую границу производства, а с другой стороны, обнаруживает свою абсолютную границу в кризисах перепроизводства, в которых проявляется и основное противоречие капитализма между процессом производства и процессом увеличения стоимости т.е. присвоения чужого живого труда, Здесь имеется предел «... присущий не производству вообще, а производству, основанному на капитале» [1, с. 226-227].

Вместе с тем, кризис перепроизводства ставит перед капиталом задачу «...на более высоком уровне развития производительных сил и т. д. все снова и снова пытаться осуществить этот выход за свои собственные пределы, каждый раз со все большим крушением его как капитала» [2, с. 394].

Следовательно, по самой своей природе, согласно К.Марксу, капитал полагает предел для труда и создания стоимости, находящийся в противоречии с тенденцией капитала к их беспредельному расширению. И поскольку капитал, с одной стороны, полагает специфические для него пределы, а с другой стороны – гонит производство к выходу за всякие пределы, он есть живое противоречие, а потому самым главным пределом развития общества является капитал.

Список литературы

- 1. Денисов В.В. Марксистская теория насилия в интерпретации современной философской мысли. Карл Маркс и современная философия. / В. В. Денисов сб.материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К.Маркса. - /М.: И.Ф. РАН, 1999. – 380 с.*
- 2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение: в 64 т. Т. 46.Ч. 1./ К. Марк., Ф. Энгельс – М.: Политиздат 2-е изд.- 559 с.*
- 3. Вестник РФО // М.: 2008 №3. 256 с.*
- 4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение: в 64 т. Т. 23./ К. Маркс, Ф. Энгельс– М.: Политиздат 2-е изд.- 559. с.*

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зотов А.Ф.

Московский Государственный Университет, г. Москва

То, что во всем современном мире и в сознании той части молодого поколения нашей страны, которая намерена после получения аттестата зрелости продолжить образование, существует явное предпочтение гуманитарного образования естественнонаучному, пожалуй, сейчас мало кто станет оспаривать. Правда, при этом нужно учитывать то обстоятельство, что на протяжении последних десятилетий, синхронно с достаточно радикальными переменами в обществе и в структуре совокупной общественной деятельности уже произошли и продолжают происходить большие изменения и в составе учебных программ, и в организации образовательных учреждений, и в соотношении естественнонаучного и гуманитарного образования, и даже в содержании этих понятий – не говоря уж об изменениях всего образовательного процесса в связи с массовым распространением новой информационной техники в государственном управлении, в повседневной жизни, в производстве, в быту. И, конечно же, в образовательном процессе на всех его уровнях. Свидетельством последнего является хотя бы то, что к понятию «новые образовательные технологии» преподаватели всех высших учебных заведений – независимо от их профиля и специализации. Но, повторяю, тенденция развития остается общей. Вопрос этот, кстати, заслуживает специального обсуждения, поскольку распространение новых образовательных технологий имеет и негативные последствия. Не случайно практически во всех развитых странах тема кризиса образования обсуждается весьма активно, а сам этот феномен в той или иной степени признается как нечто самоочевидное.

Но что лежит в основе всего вышеперечисленного? На эту тему имеется огромная литература, проводятся регулярные конференции, и в рамках небольшой статьи было бы неразумно пытаться представить эту картину даже в самых общих чертах – тем более, что осведомленность в этом материале у большинства читателей этого текста сомнений у автора не вызывает. Тем не менее, некоторые важные моменты я позволю себе напомнить.

Прежде всего, мы все еще живем в эпоху перехода от индустриального общества к обществу информационному. Два главных компонента этого перехода, это, во-первых, сокращение доли так называемого «необходимого времени» по отношению ко времени «свободному»; и во-вторых, быстрый прогресс производства с акцентом на «высокие технологии», автоматизация и информатизация во всех областях производственной деятельности в самом широком смысле этого понятия – включая и управление, и производство информации, и даже производство и распространение продуктов культуры.

Соответственно, изменился облик участника производственного процесса. «Синие воротнички»² перестали быть главным цветом активного (трудового) населения. Можно отметить также элиминацию (или существенное смягчение) прежних оснований для выполнения тех или иных видов деятельности по половому признаку.

Уже эти моменты потребовали, во-первых, увеличения доли высокообразованного активного населения; а во-вторых, изменения требований к образованию. Сокращение «периода жизни» технологий сначала привело к кризису традиционного среднего и высшего технического образования, для которых была характерна узкая специализация (обычно ее считали чуть ли не обязательным признаком хорошего профессионала). Сначала выходом стала «фундаментализация» производственно-технического образования, что проявилось в превращении технических институтов в университеты³. Глубокие фундаментальные знания (которые «старятся» медленнее, чем прикладные, тем более, чем разработки) мало – помалу становятся неременным требованием инженерного образования. Сначала это было сформулировано как «программа подготовки «специалистов широкого профиля». Соответственно, в целях адаптации к конкретным видам деятельности пришлось создавать развитую систему «предподготовки» и «переквалификации». А отсюда, в свою очередь, ради облегчения адаптации и «переучивания», ставится акцент на овладение учащимися «технологиями обучения и самообучения» во всех звеньях «базового» образования, как школьного, так и высшего (начиная от обучения технике быстрого чтения и развития творческих способностей и кончая освоением весьма изощренных информационных технологий, в фокус которых была поставлена «компьютерная грамотность»⁴.

Одним из ранних (и, на первый взгляд, даже странных) проявлений этого процесса было «засилье» гуманитариев «по диплому» в «сфере материального производства», особенно в области высоких технологий. Но если учесть, что «гуманитарий» (студент педвуза или университетского гумфака) совсем еще недавно был обучен «искусству учиться» лучше, чем «технарь», то понятен его более высокий уровень адаптивности к другим видам деятельности, особенно нетрадиционным, и потому предпочтение, которое ему отдавали производства с высокими технологиями. Получилось так, что сначала именно гуманитарное

² Термин этот, обозначающий специфику внешнего вида (одежды) той части населения, которая занималась так называемым «производством материальных благ» на предприятиях индустрии, теперь уж приходится объяснять.

³ Сначала в нашей стране это нередко выглядело как «статусная формальность», хотя достаточно скоро стали происходить и существенные перемены в программах этих ВУЗов.

⁴ Это, кстати, не сводится к освоению эмпирических навыков работы с ПК: уже сегодня термин «компьютерная грамотность» обозначает весьма развитую область культуры, о которой, к сожалению, еще и теперь большинство пользователей компьютеров имеет слабое представление. Отмечу особо психологический, эргономический и медицинский ее компоненты – хорошо, что они уже «на слуху».

образование лучше отвечало новым требованиям промышленного прогресса, чем профессиональное! Впрочем, был важен, да и сейчас еще остается таковым, еще «изначальный» низкий уровень требований неустроенного дипломированного гуманитария, который «ищет любую работу» - хотя бы, как считает он сам, «для начала», временно...

Увеличение удельного веса «свободного времени» в общем балансе активной жизни человека означает рост «индустрии отдыха», с соответствующей многослойной сферой обслуживания.⁵ Если не обращать внимания на детали (иногда существенные), то львиная доля СМИ и медиа – это «индустрия свободного времени» (в этом отношении производство рекламных клипов, мыльных опер, телесериалов «про то» и «про это», спорт в любых видах, прорицатели, экстрасенсы и колдуны, «мединфо», а также выступления политических лидеров и вообще выборные технологии – все это область «индустрии свободного времени», на которую главным образом и ориентировано сегодняшнее «гуманитарное образование» в нашем обществе. Соответственно, эта сфера деятельности взяла к себе в услужение весьма значительную часть естествознания, его технико-технологических ответвлений и производственных мощностей.

Если ограничиться только этой стороной дела, то «глобализация», о которой сейчас все еще много говорят, хотя она стала частью нашей повседневности – это следствие развития процесса и техники человеческого общения: сюда входят образование мирового рынка, развитие средств транспорта, индустрия туризма, радиоэлектронные и прочие СМИ, а также современные войны, в которые всегда, так или иначе, оказываются втянутыми все развитые страны мира, если не все население мира вообще. Можно сказать, что сегодня любой региональный конфликт есть «мировая война» - правда, это мировые войны разных масштабов и разных степеней интенсивности.

Но есть еще одно обстоятельство, которое нельзя игнорировать, если мы хотим понять глубинные основания и важнейшие, наиболее стабильные, компоненты процесса глобализации, а также определяемые ими требования к гуманитарному образованию. Это тот факт, что эволюция европейской цивилизации, европейской культуры, начавшись с «отделения человека от природы» и с «автономизации» культуры как специфически - человеческого способа бытия⁶, в XX столетии прошла «точку перегиба» - образовался новый, целостный, «природно-культурый» мир.⁷ Его важнейшим «качеством» является универсальная неустойчивость человеко-природной системы. Она определяется как выведение природы в целом (как глобальной экосистемы) или ее обширных областей до состояния неустойчивости в результате неосмотрительного

⁵ Этот фактор, к сожалению, в нашей стране принял гипертрофированные размеры.

⁶ Отсюда – противопоставление «природы» и «культуры», «тела» и «духа» в философии, науке, религии.

⁷ Осознание этого факта – например, в понятии «ноосферы» у Вернадского.

«природопользования» еще на стадии индустриальной цивилизации, так и ростом научно-технических возможностей человека в эпоху высоких технологий. В результате такого развития, вектор которого и характерен, и неизбежен для западной культуры, возникла радикальная, универсальная неустойчивость всей человеко-природной системы. Сегодня «объективный мир» – это и не «храм», и не «мастерская»; скорее его можно представить в виде сложной динамической сети; в любой ячейке которой всегда возможен «разрыв» или «сбой», который к тому же способен стать началом плохо предсказуемой «цепной реакции», масштабы которой могут быть чудовищными.

Более того: в виде «сети» сегодня предстает и общество; например, система власти. Демократия, как бы мы ее не оценивали сегодня, на мой взгляд, отвечает сверхсложной глобальной организации социального мира, в котором информационное управление сменяет «силовое». Поэтому СМИ и в самом деле стали «властью», причем, по значению вовсе не «четвертой». И общество в целом, и все его компоненты сегодня – это даже не иерархия, а именно «сеть». Отвечая таким переменам, «общество дисциплины» неизбежно превращается в «общество контроля»⁸. Такой же «сетью» выглядит рынок (система сбыта) и система производства, где исчезают «гиганты» (уже потому, что в связи с развитием высоких технологий происходит универсализация сырья, вторичная переработка материалов, все шире распространяются энергосберегающие и материалосберегающие технологии, а вся сеть организаций, обеспечивающих сбыт, мультиплицируется и даже индивидуализируется).

В условиях «балансирования на грани краха» (именно таковы условия бытия в сверхсложной системе универсальной неустойчивости – здесь, как в кэрроловском «Зазеркалье», чтобы оставаться на месте, нужно бежать изо всех сил) система может противостоять коллапсу или распаду только в том случае, если она способна организовать и поддерживать в работоспособном состоянии эффективные «информационные» процессы самоорганизации. Отсюда следует, что управление в таких системах должно быть не столько «жестким», сколько «гибким», не столько «иерархическим», сколько «сетевым» (и уж во всяком случае не деспотическим). Здесь максима «я начальник – ты дурак; ты начальник – я дурак» просто должна уступить место другому принципу: «никогда не делай той работы, которую способен сделать твой подчиненный». Значит, проходит время дисциплинированных дураков – как и время самодовольных тупых начальников, которые неспособны к самостоятельному, как стратегическому, так и к тактическому, прогнозирующему и проектирующему, мышлению. Как дурак, так и невежда в условиях универсальной неустойчивости современного мира – источник повышенной (часто глобальной) опасности. Не случайно важнейшей темой технических

⁸ Об этом см. , например, в работах Делеза и Гваттари.

разработок становится создание «защиты от дурака»⁹, а стратегией образования – минимизация уровня опасного невежества.

Как самоуверенный, оптимистичный технократ, так и его зеркальный двойник – гуманитарный Нарцисс, сегодня суть области, в которых фокусируется опасное невежество, к тому же часто в обманчивом облике высочайшего профессионализма. Для технократов характерна тенденция к «объективизму» – рассматривать гигантский чиновничий аппарат как естественную характеристику цивилизованного мира. Технократ рассматривает как «объективные» (в смысле – закономерные, строго или статистически детерминированные, не зависящие от человеческих оценок и пр.), не только природные процессы, но и процессы социальные. Поэтому «технократ» – это и физик-ядерщик, который отказался присоединиться к бойкоту военных ядерных исследований потому, что, по его мнению, развитие научного знания есть «объективный процесс», и если не он, то кто-то все равно будет заниматься такой «великолепной физикой», как ядерное оружие, и экономист-управленец, приверженец рыночной экономики, который считает, что «рынок все устроит сам».

Для традиционного гуманитария, певца духовности, напротив, сфера подлинно человеческого бытия, как он ее понимает, не только автономна, но и самодостаточна. Здесь, по его мнению, пространство самоопределения человека (пусть даже оно ограничено внешними, т.е. природными, обстоятельствами) – и, соответственно, сфера, в которой действует мораль и где имеют силу моральные нормы и оценки.

Процесс глобализации, та реальность, в которой нам довелось жить, требует радикального отказа как от технократа, так и от такого гуманитария, от их претензий на то, что именно они владеют истиной, потому что природа и культура сейчас уже перестали быть автономными, и потому суверенными мирами. Мир культуры теперь зависит в своем бытии от новейших технологий (среди которых, к сожалению, и технологии обработки сознания). Мир природы, «естественный» мир, теперь настолько насыщен продуктами техники и стал до такой степени подвержен человеческим воздействиям, до такой степени «проектируемым» (а не только «предсказуемым», или, напротив, «непредсказуемым»), что даже граница между историей как «способом человеческого бытия», т.е. свободным самоосуществлением человеческого субъекта, и эволюцией как способом существования природы оказалась очень относительной. А это значит, что природа теперь реально (т.е. не только в воображении влюбленных поэтов) включена в культуру¹⁰, и потому все более входит в сферу компетенции морали.

⁹ К сожалению, в сфере социальных технологий, кажется, такими исследованиями пока не пахнет...

¹⁰ До такой степени, что *природный* заповедник уже не может существовать без технологического вмешательства и научной помощи (не говоря уж о том, что становится *культурным объектом*. Соответственно, отношение к заповедникам и расходы на их содержание – безусловный признак культуры страны, ее руководителей и ее населения.

Отсюда главный вывод: необходима радикальная реформа образования, как естественнонаучного и технического, так и гуманитарного, прежде всего под углом зрения понимания новым поколением населения планеты меры своей ответственности за возможные последствия собственной «преобразующей» деятельности.¹¹

Соответственно, неосведомленность «гуманитариев» относительно реальных процессов функционирования природных систем, задача изучения которых – дело тех ученых, которых раньше называли «естествоиспытателями»¹², особенно если такие гуманитарии, с учеными степенями и профессорскими званиями, «идут во власть», становится источником глобальных опасностей.

Невежество, и даже его мягкая форма – неосведомленность в вопросах современной науки и техники – теперь уже перестали быть «простительными человеческими слабостями», поскольку невежды и неосведомленные люди способны стать «источниками повышенной опасности», занимаясь своей практической работой – социального психолога, социального работника, специалиста по масс-медиа, не говоря уж о юристе, избравшем карьеру государственного чиновника.

Сегодня широкое «гуманизированное» образование не должно становиться всего лишь условием успешной карьеры; во все большей степени оно также превращается в единственную гарантию сохранения земной цивилизации. А это значит, что школа и университет, с их сбалансированными, поистине университетскими, программами, предстают как залог нашего будущего. Человечество, становясь свободным, должно быть в состоянии поддерживать на должном уровне не только «силу» в ее разных формах, но и развитое сознание соизмерять масштабы своих гигантских возможностей с мерой своей огромной ответственности. И это – дело каждого человека, если он и в самом деле разумное существо.

Все вышеперечисленные моменты касательно образования инвариантны относительно национальных особенностей и экономической ситуации в том или ином регионе планеты – они глобальны «по своей природе», поскольку образование планетарной цивилизации, в основном, уже свершившийся факт. Но это не значит, что нет национальной, культурной, конкретно-исторической и иной специфики, которую следует учитывать при выработке позиций общественных организаций касательно состояния дел в сфере образования и стратегии его развития. Прежде всего, никакая разумная стратегия невозможна сегодня без научного, профессионального анализа конкретной ситуации;

¹¹ Нельзя сказать, что здесь ничего не делается. Не только философские курсы, с включениями касательно экологической этики, но и «стандартные» требования к дипломным проектам включать в них не только экономическое обоснование, но также разделы экологической экспертизы, оценку возможных социальных последствий и т.п., работают в этом направлении. Но пора понять, что мы здесь только в начале пути.

¹² Теперь это уже «природно-культурные» системы, будь они локальными, региональными или глобальными.

невозможна даже на уровне «круглых столов», с равноправным участием бизнесменов, журналистов, людей искусства, священников и ученых, к мнению которых «должны прислушаться» политики. Подобные мероприятия (как и хорошо подготовленные информационно референдумы), безусловно, полезны как просветительские средства, но не как «генератор» принципов социальной политики. Сложность объективной ситуации диктует необходимость ее объективного научного анализа как основы социально-политической стратегии в области глобальных проблем. А вот здесь-то всеобщий принцип «демократического равноправия» всех со всеми – ученого, священника, кинорежиссера, профессионального политика и высококлассного юриста, с одной стороны, и полуобразованного или совсем невежественного субъекта, так сказать, «простого человека с улицы», стало источником серьезных опасностей.

Здесь, кстати, одна из сложнейших социальных проблем, поскольку сегодня «диктатура ученых», скорей всего, невозможна; а демократия плохо образованной и утратившей навыки рационального мышления массы населения так же неэффективна, как и власть в руках своекорыстной финансовой олигархии или профессиональных чиновников.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ И «ПРИКЛАДНОЕ» ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Смирнова Н.М.
Институт философии РАН**

Мировая система современного образования представлена двумя основными конкурирующими моделями: традиционной европейской и североамериканской. Исторически более глубокая европейская образовательная традиция (при всем многообразии ее конкретных проявлений) базируется на классических образцах. Она предполагает «глубинное погружение» в контекст европейской культуры и требует основательной лингвистической подготовки (включая и знание древних языков).

В отличие от европейской, прагматически ориентированная североатлантическая модель отмечена скорее синдромом «воли к жизни», нежели «волей к культуре». Так, на «Круглом столе», посвященном мировым тенденциям в университетском образовании на рубеже тысячелетий, который прошел в рамках Седьмой Конференции Международного общества по изучению европейских идей (Берген, 2000), носители обеих тенденций представили свои аргументы против конкурирующей стороны в наиболее четком и полемически заостренном виде.

Представители старых европейских университетов обвиняли своих оппонентов в том, что американская система высшего образования дискредитирует староевропейский имидж университета, сближая его со средними техническими и общеобразовательными колледжами. Свидетельствами тому являются создание в американских университетах факультетов откровенно прикладных дисциплин, как фотографии, сценического искусства, хореографии. Но, освоив навыки практических профессий, выпускник американского университета имеет самое поверхностное гуманитарное образование. Среднестатистический англоговорящий специалист с университетским дипломом США не знает ни Байрона, ни Диккенса, а уж если и приобретает такое знание, то как результат узко профессиональной специализации, а не общекультурного развития.

В свою очередь, представители американских университетов, не отрицая сказанного, аргументировали подобное тем, что в высоко демократичном американском обществе столь заниженное по европейским меркам высшее образование доступно каждому, и не только с точки зрения возможности усвоения академической программы, независимо от предшествующей подготовки, но и с точки зрения дешевых государственных кредитов на образование. Поэтому университетское образование является главным инструментом формирования среднего класса – фундаментальной социальной опоры американской демократии.

По мнению американских экспертов высшего образования, прославленные европейские университеты (Оксфорд, Сорбонна) являются

слишком архаичными, оторванными от потребностей современной жизни, а главное - малодоступными. Если дешевые американские образовательные кредиты сегодня позволяют *каждому третьему* американцу обрести университетский диплом (и тем самым идентифицировать себя со средним классом), то в Европе эта цифра на порядок выше. Европейская система университетского образования слишком элитарна, ориентирована на поддержание традиционно высокого уровня социальной стратификации и не служит целям поддержания социальной стабильности через формирование среднего класса –оплота развитого гражданского общества. Похоже, в пылу полемики стороны говорили друг другу правду. Проблема, однако, в том, что наша отечественная система университетского образования в ее стремлении следовать мировым стандартам, наряду с позитивным опытом, подчас заимствует, точнее, синтезирует названные выше негативные моменты как европейской, так и североамериканской системы.

Негативные моменты североатлантической модели явно проявляются в том, что крупнейшие государственные университеты России, по установившейся у нас традиции являвшиеся средоточием фундаментальных наук, рискуют утратить роль флагманов большой науки. Эта тенденция просматривается не только в угрозе ликвидации научных должностей на кафедрах и закрытия целых лабораторий, но и в собственно академической политике. Последнее проявляется в том, что во многих университетах открывают специализацию по столь прикладной (политически и бизнес-ангажированной) специальности, как PR, и отнюдь не только на факультетах социологии или журналистики. В этом же ряду – сокращение базового курса истории философии - фундамента профессионального философского образования- в пользу необязательных, калейдоскопически сменяющий друг друга элективных спецкурсов. Еще не улеглись страсти по поводу научного статуса культурологи (идея акмеологии как академической дисциплины отмерла сама собой), как народились университетские специализации по эстетике рекламы, региональному управлению, менеджменту и маркетингу. Подобная тенденция подмены фундаментального университетского образования прикладным таит в себе и негативные образовательные последствия. С философско-методологической точки зрения очень важно осознавать, что сосредоточение на исключительно прикладных задачах ведет к фрагментации научного разума, умалению идеала логической последовательности и согласованности как атрибутивного требования фундаментального научно-теоретического знания. Ведь прикладная наука при всей ее важности и полезности продуцирует знание *ad hoc*. Оно не отвечает трансцендентальному идеалу всеобщности и необходимости. Прикладной разум принципиально локален и эклектичен. Осуществляя познание «на заказ», для «здесь и теперь» практического использования ученый прибегает к использованию огромного массива социального опыта, включающего и обыденное, «само собой разумеющееся» знание, и собственный житейский и профессиональный опыт, и даже миф, социально-мобилизующий потенциал

которого в социальных технологиях значительно выше научно-теоретического знания. В прикладном исследовании прибегают к использованию методик из различных областей знания, многообразию социокультурных навыков, сопрягают фрагменты научных и вненаучных конструкций.

Прикладной разум, претендуя на самостоятельность, все более дистанцируется от питающей его почвы фундаментальной науки. Но прикладное знание принципиально локально, ситуативно и не способно обеспечить преемственности в развитии научного знания. Ибо собственных когнитивных оснований развития прикладная наука не имеет. Оно «несоизмеримо» с другими фрагментами прикладного же знания. Адаптированное к особенностям отдельного случая, оно *принципиально некогерентно*, и само по себе, не будучи интегрировано в структуры фундаментального знания, не способно служить основой для последующего развития знания. Прикладное знание не является инструментом получения нового знания. Подобная фрагментарность и утрата целостности приводит к тому, что прикладное знание легко и незаметно трансформируется в совокупность технологических сведений. И это еще не самое худшее, что может приключиться с прикладной наукой, предоставленной самой себе, т.е. ведомственному и меркантильному интересу. Более того, совмещение несовместимых подходов на фоне полной методологической терпимости открывает возможность для незаметной трансформации прикладной науки в псевдонауку. Поэтому прикладная наука просто обязана сохранить свой научный статус, «обручившись» с наукой фундаментальной. И для того, чтобы оставаться в пределах научного дискурса, прикладная наука должна соотносить свои результаты с фундаментальным знанием. Это *conditio sin qua non* прикладной науки, сущностное условие ее научной адекватности.

Так или иначе, важность сохранения за университетами функций общенациональных центров фундаментального образования трудно переоценить. Ведь в быстро меняющемся динамичном социуме (информационном обществе) именно фундаментальное образование, а не практические навыки, ориентированные на обслуживание наличных социальных и производственных технологий, позволяют молодому специалисту успешно адаптироваться к динамично изменяющемуся технологическому и социокультурному универсуму.

Наряду с прогрессирующей прагматической ориентацией, нельзя не отметить и тревожную тенденцию ослабления доступности высшего университетского образования. В условиях дефицита серьезной государственной поддержки, высшие учебные заведения вынуждены все более расширять систему договорного (платного) обучения студентов, что существенно затрудняет доступ к высшему образованию для детей «бюджетных» родителей. А это приводит не только к нарушению социальной справедливости при распределении прав на образование. Подобная ситуация существенно затрудняет дальнейшую модернизацию страны, то «принуждение

к модернизации», которое В.В. Путин недавно провозгласил государственной программой развития страны.

Как же пройти между Сциллой фундаментальной и Харибдой прикладной ориентации университетского образования? Понятно, что простых ответов на вопрос о том, как избежать этих крайностей: с одной стороны, сохранить традиционную ориентацию на фундаментальное образование и, вместе с тем, ответить на быстро меняющиеся запросы современной жизни, с другой, не существует. Однако корректный анализ этих проблем, трезвый взгляд на современные мировые тенденции в области университетского образования и возможности их адаптации к российским условиям является необходимой предпосылкой для дальнейшего развития этой важнейшей сферы общественной жизни. Поэтому если продуктивный синтез фундаментального и прикладного знания на Западе является следствием процессов глобализации, то у нас сохранение фундаментального потенциала российских университетов должно стать следствием вдумчивого и бережного отношения к собственным образовательным традициям.